

18+

АРТЕМ БЕЛОВ

ХРОНИКИ БАЛЬДРА
ТВОРЕНИЕ РУК ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

Артем Белов

**Хроники Бальдра.
Творение рук человеческих**

«Издательские решения»

Белов А.

Хроники Бальдра. Творение рук человеческих / А. Белов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963872-4

Далекий Бальдр — планета-рай; чудо природы, убаюканное богами. Всезнающие Бледные смотрят с небес на гордых людей — преданных слуг космоса. Желания богов должны быть выполнены — но какой ценой? Юному Верманду предстоит узнать немало секретов, прежде чем он поймет, что в человеческой жизни действительно важно, и когда нужно обратить меч против самой Вселенной.

ISBN 978-5-44-963872-4

© Белов А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Хроники Бальдра. Творение рук человеческих Артем Белов

© Артем Белов, 2020

ISBN 978-5-4496-3872-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Артур, совет директоров вынес решение о переносе исследовательского полигона на отдаленную планету.

– А я здесь при чем?

– Как это при чем? Ты у нас начальник отдела терраформирования – найди им подходящий булыжник в космосе! Да побыстрее – всю плешь уже проели своим нитьем. Что они, что экологи – встал им наш полигон поперек горла... Зато теперь хоть самим соваться к опытным образцам не придется, и места станет побольше.

– И тогда, дитя, Бледные создали нашу планету. Бальдр! Паря в бескрайней пустоте Кархайма, они усилием воли возвели все эти скалы и леса, поля и плоскогорья, а потом заселили плодородные края существами по собственному подобию. Нами, юный Верманд, людьми! Наш род был первым, кто покорила дикий мир Бальдра, но Бледные оставались недовольны их недостойными слугами – слишком малочисленны мы были, слишком медленно выполняли божественные приказы! Тогда Бледные вдохнули жизнь в непокорных цвергов – и горы, сгибаясь под ударами кирок и молотов, склонились перед ними. Дикие альвы и свирепые осинники наполнили леса, и Бальдр постиг гармонию, постиг баланс... Священная обязанность людей, Верманд, выполнять все приказы Бледных, высшего космического суда, надзирающего над нами всеми. Храмы высятся в их честь, возведенные нашими руками, не знающими отдыха; молитвы возносятся к небесным высотам, достигая ушей создателей. И колдуны, посланники богов, идут во все концы Бальдра, неся святую волю Бледных. Нет призвания важнее! Только избранным доверяют боги волшебные «пульта», только мы, колдуны, имеем право и могущество использовать их.

– И ты все-все можешь, дядя Сверр? – спросил я, восхищенно всматриваясь в длинную черную бороду с проседью цвета льда.

Волшебник рассмеялся и погладил меня по голове. Подумав немного, он ближе придвинул свечку, чтобы я все мог разглядеть как следует; мягко Сверр Тучегон вложил в мои ладони то, что колдуны называли пультами. Странная штука, вроде бы выкованная из металла, но невыносимо ярко светящаяся всеми цветами радуги; по светлому кругу на нем то и дело пробегали неизвестные мне руны.

– Это слова Бледных, язык богов, голос самого Кархайма, – вдохновенно произнес мой дядя, – и мы должны чтить желания небожителей и выполнять их беспрекословно.

– Я тоже стану колдуном, когда вырасту?

Старик улыбнулся и забрал пульта.

– Кто знает, малыш. Кто знает... Когда тебе исполнится двадцать два года и два месяца, ты будешь держать ответ перед Оракулом. Тогда и решится твоя судьба.

– А кто такой этот Оракул?

– Не «кто», дитя, а «что». Это окно в мир Бледных, которое они оставили нам в дар. Через него боги смотрят на претендентов, решая, достоин ли ты нести их волю. А теперь, Верманд, беги к отцу. Уже поздно, конунг скоро тебя хватится и накажет за непослушание.

Я побежал прочь, к замку, оставив позади хижину Сверра. А колдун еще долго сидел в глубокой задумчивости, поглаживая бороду и глядя мне вслед.

Глава первая

– Не опасно ли предоставлять дикарям достижения земной науки? Мы же их недавно туда поместили, они неотесанные варвары!

– Нам так или иначе нужны люди на Бальдре, чтобы можно было контролировать ситуацию прямо с Земли, а устанавливать там лаборатории или посылать персонал слишком накладно. Мы выбрали из местных наиболее смысленных, выдали урезанные версии пультов локальной передачи материи... Метод прошел все испытания – благодаря культивированной религии наши указы выполняются беспрекословно и точно в срок. Эксперименты с ДНК динозавров уже запустили, проект «Цверг» пока под наблюдением.

– Вот так, сынок! А ну, не зевай!

Конунг взмахнул мечом, и я ловко уклонился. Еще один выпад, снова и снова – все мимо! Летний день был прекрасен – такой теплой погоды не помнили даже старожилы королевства. Щебетание птиц, ласковое, даже чересчур приятное касание лучей обеих звезд... Неподалеку раздавался смех матери, наблюдавшей за тренировкой мужа и любимого сына.

– Верманд, задай ему! – смех мамы лился трелью, она оперлась на каменную ограду тренировочного поля; золотистые волосы, забранные в косу, казалось, искрились на солнце.

– Мал он еще, – тяжело дыша, ответил конунг, верховный правитель Стохетхейма – и, по совместительству, мой отец.

Мне – четырнадцать лет по исчислению Бальдра, а ему – уже сорок пять. Все мои старшие братья предпочли в свое время пути меценатов, дипломатов и градоправителей; некоторые, несмотря на относительно юный возраст, занимали почетные резные стулья в совете ярлов. Поэтому отцу ничего не оставалось, кроме как упражняться во владении мечом со мной, младшим сыном, любимчиком всего Стохетхейма. Уже в детстве я доходил отцу ростом до плеча, что удивляло даже высоченных начальников дружин – сверстники были как минимум на голову ниже.

Поднырнув под удар отца, я сделал выпад, и деревянный клинок едва не уперся конунгу в грудь. Отец отпрянул, но явно замешкался – не ожидал от сына такой прыти. Удивленно выдохнув, он снова пошел в атаку.

Бальдр. Мой дом, родная планета, колыбель человечества – убаюканный богами рай, чудо природы. Расселившись повсюду, люди гордо несли свои знамена, но ярче и прекрасней всех был флаг Стохетхейма – бордовое полотнище с перекрещенными мечом и охотничьим рогом. Края флага расшиты золотом – имена конунгов навсегда украсили его. Достоянейшие из достойных, правители крупнейшего города планеты вели людей в будущее, балансируя между миром и войной, черпая мудрость из Оракула – великого артефакта Бледных. Именно сюда, в Стохетхейм, прибыли в незапамятные времена посланники небес и бескрайнего Кархайма, чтобы одарить человечество магией великой мощи. Но за силу нужно платить – колдуны, те, что получили магические пульта, заключили нерушимый договор. Слово Бледного – закон, бога гневить нельзя. Если колдун посмеет ослушаться, то лишится магической силы и пультов, а Оракул для него замолчит навеки. Кланов, человеческих деревень и городов на Бальдре возникло великое множество, но сердцем мира всегда оставался Стохетхейм – каждый год к моему дому, дворцу конунга, приходили сотни паломников со всего света, чтобы хотя бы издали посмотреть на Оракула и познать суть бытия. Даже цверги, бывало, посылали делегации с богатыми дарами, чтобы получить аудиенцию у Бледных.

Мы сошлись вплотную, скрестив деревянные мечи так, что они натужно закрипели. Резко уведя клинок отца в сторону, я что было сил толкнул его плечом в грудь. Ухнув, конунг

отступил на шаг. Я, светясь от счастья и едва сдерживаемого смеха, приставил острие к шее отца.

– Ха-ха! Проиграл! Проиграл!

Отец засмеялся и отвел пальцем грозное оружие подальше. Добродушно похлопав меня по плечу, он смахнул пот со лба:

– Молодец, сынок. Сегодня ты превзошел сам себя, и меня в придачу.

– А ты не поддавался?

– Честное слово конунга, – все еще улыбаясь, отец положил руку на сердце, – беги к маме, расскажи о триумфе. Вон, как она смеется...

Я, издав победный вопль, кинулся в объятия матери. Старший брат конунга, мудрейший из колдунов, Сверр Тучегон, подошел ближе, появившись будто из ниоткуда. Кивнув головой, он как-то по-вороньи посмотрел на брата, правителя Ингварра Благородного.

– Мой племянник растет не по годам... В четырнадцать лет победить конунга дано не каждому.

– Тренировки идут ему на пользу, – мягко улыбаясь, ответил Ингварр, – у мальчишки талант к ратному делу. Ему стоило родиться в семье начальника дружины. Королевский лоск – не для него.

– Я, как верховный колдун, обязан докладывать об успехах членов королевской семьи нашим богам. У Верманда огромный потенциал – он развит, любознателен и просто жаждет новых знаний. Я не имею права давать ему обращаться с пультами или учить заклинаниям, но он просит все настойчивее. Ты уверен в своем решении, Ингварр? Я иду против космических сил, скрывая его от Бледных, да простит меня Кархайм за эти слова...

Отец внезапно посуровел и глаза блеснули сталью:

– Мы уже много раз это обсуждали, Сверр. Я знаю, что мы – посланники богов, и не мешаю колдунам делать свое дело. Но иногда то, о чем нас просят...

– Молчи, ибо страшна кара Бледных, – шикнул Сверр, встопорщив бороду.

– Просто держи моего сына подальше от волшебных фолиантов и пультов. Едва Бледные узнают о нем, как сразу станут прочить в колдуны, а я не хочу ему такой судьбы. Он не заслужил.

Тучегон смотрел вдаль, туда, откуда на прелестный день надвигались темные дождевые облака. Порой проседь в его бороде блестела так, что казалось, будто на лице колдуна повисли сосульки.

– Ладно, – нагнувшись, Сверр подобрал деревянный меч, который я радостно бросил в пыль после победы, и отдал брату, – скажу, что юный Верманд питает страсть исключительно к ремеслу воителя. Это не будет ни ложью, ни правдой.

– Спасибо, Сверр.

– Благодарите небеса за благосклонность.

Сверр зашептал слова на чужом языке, от которых по спине конунга побежали мурашки; пульта завибрировали и налились насыщенным синим цветом. Колдун воздел руки к небу, и, повинувшись воле мага, пульта издали низкий гул. Мгновение – и все затихло. Хмурые облака рассеялись и растворились, оставив небосвод совершенно чистым. Ингварр вздохнул и собрался было что-то сказать, но я уже успел вырваться из рук матери и примчаться назад.

– Папа, пойдем упражняться в стрельбе из лука!

– Конечно, Верманд, идем на стрельбище, – осекшись, отец рассеянно потрепал меня по голове.

Он взял меня за руку и повел прочь; я обернулся и успел заметить, как дядя Сверр медленно летит к своей хижине, паря в полуметре над землей.

– Вот будет тебе семнадцать, припишу к одной из дружин, – задумчиво, скорее самому себе, говорил папа, – наберешься опыта, поездишь по окрестностям, уму-разуму у воеводы

поучишься. А там и до своей дружины недалеко. Ну, а потом... Да здоровствует конунг Верманд Воитель.

Отец довольно улыбнулся, проведя рукой по длинным черным волосам, а я, наоборот, нахмурился:

– Как это, конунг Верманд? А ты? Ты – правитель Стохетхейма, куда уж мне до тебя!

– Я не вечен, сын, как и любой из нас. Рано или поздно, но настанет момент, когда я не смогу больше верно править королевством, а мою статую из самого старого дуба в саду поставят в Зале Славы, рядом с другими конунгами прошлого.

– Но я не хочу, чтобы ты уходил.

– А я и не уйду. Я займу свое место в небесных чертогах, рядом с Бледными, и буду смотреть, как ты правишь. А потом – как будет править твой сын. И сын твоего сына... Все твои братья слишком уж отделились от государственных дел – не по плечу им такая задача. Управлять маленьким городом – это не судьбы королевства вершить.

– А что, если я стану колдуном? – беспечно спросил я.

Отец закусил губу.

– Брось ты это, сынок. Ты – прирожденный воин! Оставь магию седым старцам. Ну, вот уж и стрельбище.

Стрельба из лука давалась мне так же хорошо, как и фехтование. Свистя, стрелы одна за другой вонзались в потрепанную мишень, а отец прямо расщедрился на похвалы, что с ним случилось не так уж и часто. Я туго натянул тетиву и прицелился точно в «яблочко», как вдруг к ограждению подбежал запыхавшийся гонец. Я удивленно обернулся и опустил лук.

– Стреляй, не отвлекайся, – погрозил мне отец и отошел к посыльному.

– Милорд, срочные новости из Требьорна! Среди жителей волнения; выгнали колдуна из поселения! Грозятся прервать все торговые сделки и заблокировать дороги к деревне.

– Что их тревожит?

– Они отказались принимать волю Бледных. Колдун хотел исполнить священный долг, но жители ему не позволили.

– Ох, опять... – покачал головой конунг.

– Доставить приказ дружинам?

– Нет, нет, погоди. Я сам пойду и распоряжусь, чтобы сначала выслали ярла со свитой для переговоров. Попробуем решить все мирно, Бальдр и так трясет от волнений. Верманд! – крикнул он мне. – Продолжай упражняться и возвращайся в замок к обеду. Справишься сам?

– Конечно!

– Ну, хорошо. Идем, – кивнул конунг гонцу.

Я остался один и, пожав плечами, пустил в цель очередную стрелу. Такие вести не были необычными – хоть Стохетхейм и был оплотом религии и порядка, отдаленные города и деревни порой охватывали целые восстания. Люди не хотели подчиняться Бледным и их решениям, в безумной ереси прогоняя колдунов конунга. На их несчастные головы обрушивалась праведная кара – дружины сокрушали несогласных, а иногда и цверги, соблюдая древний договор с людьми, подавляли бунты в небольших селениях. Но отец не любил, когда цверги вмешивались – он вообще не доверял этому народу. «У цверга что ни слово – то загадка, они за нос нас водят да посмеиваются», – всегда говорил Сверр. Я видел их пару раз на официальных приемах – мне показалось, что они что-то знают такое, о чем не догадываются другие, и потому чуть не лопаются от гордости. Только альвов и осинников не посещали королевские колдуны – с дикарями Стохетхейм либо воевал, либо находился в шатком мире.

Вздыхнув, я снова туго натянул тетиву, и уже собрался было поразить мишень, как меня окликнул звонкий голос:

– Верманд! Ты чего это тут делаешь один?

От неожиданности я дернулся, и стрела просвистела куда выше цели, отправившись в далекий полет в лесок за замком. За оградой раздалось хихиканье – девочка, зажав рот обеими ладонями, едва не падала со смеху.

– Кэри! Ты испортила такой выстрел! Что тут смешного?!

Кэри была моей подругой детства, дочерью одного из ярлов, толстого и усатого, как морж. Имени его я никогда не слышал, что, впрочем, меня и не заботило. В тринадцать лет Кэри нечем было занять себя, кроме бесконечных игр. Видимо, сюда входили и пакости лучникам. Огненно-рыжие волосы, почти до пят, по обыкновению растрепаны; служанки сбивались с ног, пытаясь поймать и причесать маленького беса. Тут-то они ее точно не отыщут – кому могло прийти в голову, что девочка сбежала на стрельбище?

– Извини, я не хотела! – все еще смеясь, заявила Кэри. – А где твой папа? Мне кажется, я слышала его голос.

– А, – я махнул рукой, – он ушел по делам. Пришел гонец и опять, наверное, принес нехорошие вести. Всегда так – стоит только начать веселиться, как политика все портит.

Еще один выстрел, и стрела воткнулась чуть выше центра мишени. В колчане пусто.

– Как успехи?

– Все попал, кроме того раза, который ты испортила! А ты-то тут что делаешь? Пришла поглядеть, как я стреляю?

– Нет, конечно, скукотища! Я иду к хижине кол-ду-на! – заявила Кэри, показав язык.

– Дяди Сверра? Ха! Кто ж тебе разрешит? Даже на меня папа ругается, когда я к нему хожу! Тебя поймают и выдерут!

– А вот и не выдерут, – Кэри снова показала язык, – никто меня не поймает! А ты что, расскажешь? Ябедник!

Девочка со смехом побежала прочь, к далекой хижине Сверра, видневшейся на самом краю небольшого леса.

– И совсем я не ябедник! Эй, подожди! – я пустился следом.

Разве можно позволить подруге веселиться и развлекаться, в то время как я тренируюсь? Ни за что! Раз она идет подсматривать за колдуном, то я тоже! Мне удалось нагнать Кэри почти у самой хижины. Оттуда доносились приглушенные голоса – видимо, у волшебника гости, но невозможно было разобрать и слова.

– Вот пристал ко мне! – обернулась Кэри, задрал нос.

– Да тихо ты, – я шикнул, – у дяди слух, как у кошки, он сразу нас найдет! Иди помедленнее и говори шепотом, а то потом хлопот не оберемся... Слышишь? Он не один.

Девочка кивнула и подкралась к стене дома. Я последовал ее примеру и аккуратно заглянул в мутное окно – разглядеть хоть что-то оказалось тяжело, но я заметил внутри два темных силуэта. Мужчины спорили. Я посмотрел на девочку и прижал палец к губам. Кэри кивнула и прикрыла губы ладонью.

– Ты знаешь, из-за чего они бунтуют, Сверр. Люди недовольны странными желаниями Бледных. Ты же верховный маг! Неужели нет способа договориться с ними? Оракул нем уже неделю – что случилось?

Голос отца! Значит, он не пошел в замок?

– Ты не понимаешь, о чем говоришь, брат! – вскипел Сверр Тучегон. – Это боги, а не жалкие люди! Им незнакомы наши понятия, справедливость, жалость – их решения опираются только на космическое правосудие... Как ты собрался с ними договариваться?

– Но должен же быть путь...

– Нет! Его нет и точка! Наша священная обязанность – выполнять все требования великих Бледных; мы для этого сотворены! Забыл старые летописи? Я больше не хочу слышать и слова про этих грязных еретиков – в своей гордыне они позабыли об истинном предназна-

чений! – тон колдуна чуть смягчился. – Ты послал одного из ярлов. Это мудрое решение. Но не дай жалости тебя ослепить – мы должны покарать тех, кто будет упорствовать.

– Да, Сверр, – вздохнул конунг, – ты прав. Как всегда. Спасибо, что разбудил во мне голос разума.

– Ингварр, о, Ингварр... Твоя доля тяжела. Править королевством – сложнейшая из задач. Помни, что ты избран Бледными; не подведи наших богов. Постой... Кажется, у нас незваные гости.

Я услышал, как загудели магические пульты в руках колдуна. С невероятной скоростью надо мной и Кэри появились маленькие тучки, и мы вскрикнули от неожиданности, когда на головы обрушился холодный дождик. Окно распахнулось, и на свет дня показалась сначала борода, а потом и лукавое лицо дяди Сверра:

– Так-так-так... Я слышал, Ингварр, что твой сын растет воином, но не знал, что он еще и шпион! Да еще и даму прихватил с собой!

– Неправда! – я попытался закрыться руками от дождя. – Это ее идея! Я просто отговорить хотел!

– Вот ведь ябеда! – Кэри толкнула меня и хотела убежать, но Сверр со смехом взмахнул пультом, и крепкие корни деревьев оплели девочке ноги.

– Разве я не говорил тебе, что нехорошо шпионить за взрослыми? – отец схватил меня за ухо. – Тоже мне, Верманд Воитель! Никакого обеда – а ну, живо за тренировки! Еще два колчана, и чтобы ни одной стрелы мимо, слышишь?

– Ну, не лютуй, – хохотал дядя, – а эту маленькую валькирию я сам отведу отцу.

С досадой я пошел назад, на стрельбище. Обернувшись, увидел, как Сверр твердым шагом направляется к замку, ведя за руку непослушную Кэри. Она упиралась; встретив мой взгляд, показала язык.

Глава вторая

Личный дневник Артема Смолякова, ведущего специалиста по генной инженерии компании «Доступная Вселенная», запись двести шестнадцатая: «Сочетание кошек и людей ожиданий не оправдало. Эксперимент провалился с треском – ни внешний вид меня не устроил, ни поведение. От кошачьих гибридам досталась разве что свирепость; тем не менее, руководство выдворило их на Бальдр и приказало мне свернуть исследования в этом направлении. Не очень-то и хотелось».

Осенний день швырял в нас листьями, а кони топтали их подкованными копытами. Я, вместе с другими дружинниками, возвращался из патруля, пролежавшего по вполне обычному и давно изведанному маршруту. Впереди – воевода Олаф Оленерогий; самая трудная часть пути осталась позади, как и одна из деревень, где жители начали не в меру сильно роптать на указы Бледных. Обошлось без кровопролития – угрюмые деревенские ремесленники отступили, здраво оценив свои шансы против дружинников конунга. Ха, самоуверенные глупцы! Будут знать, как спорить с богами!

Лесная тропа и пение птиц располагали к приятным думам; улыбаясь солнечным лучам, я едва следил за конем, позволив ему самому выбирать дорогу. Трудно оставаться серьезным, когда тебе семнадцать лет, а на лице нет даже мало-мальски солидной бороды – важнейшего атрибута стохетхеймского воина. Несмотря на это, во мне сразу признавали особу королевских кровей – так сильно я стал похож на отца. Выше остальных дружинников едва ли не на полголовы, с длинными черными волосами, забранными в хвост; точеные скулы, крепкое сложение и глаза цвета меда и ранней осени – иногда от молодых девушек Стохетхейма некуда было деться. Отец не наврал с обещаниями тогда, давно, три года назад – а ведь я все помнил слово в слово. В середине весны меня отдали под руководство Олафа, и в дружине суровые ветераны быстро зауважали меня за силу и искусство владения мечом. До сих пор, правда, сражаться мне доводилось только с манекенами, набитыми соломой, а вот про Олафа поговаривали, что он сразил дракона один на один! Верилось слабо – старый воевода едва ли походил на героя легенд, а вот в тактике и стратегии равных ему было не сыскать.

Нас обступили сосны-гиганты и мохнатые ели, похожие на больших колючих медведей; то тут, то там пробежала ловкая белка или щелкал шишками клест. Из транса меня вывел громкий смех одного из дружинников, огромного Бьорна Драчуна, – раззявив беззубый рот, он от души хохотал, неистово стуча ладонью по бедру. Рядом с ним ехал его закадычный друг Тир, и, видимо, как всегда, рассказывал несмешные истории, которые Бьорну казались забавными. Зубы Бьорна нашли свой безвременный конец на городских площадях. Он слыл большим любителем подраться и никогда не упускал шанса дать кому-нибудь тумака. Впрочем, и сам получал по заслугам. Я поплотнее закутался в плащ, подбитый мехом, и поправил щит на спине. Потянувшись к походной сумке, извлек небольшой бурдюк с чистой водой и мятую карту. Скоро оба солнца начнут сонно клониться к закату – и тогда уже сложно будет что-то разглядеть. К ночи наш отряд должен добраться до Инностинга, небольшой деревушки, уютно расположившейся на поляне у реки. Только теперь, повзрослев и вступив в дружину, я понял, насколько неблагодарны стали жители окрестных селений; несмотря на все старания отца, бунты разгорались с новой силой, и иногда я даже начинал сомневаться в том, что колдуны выполняют указания Бледных так, как велит дядя Сверр. Ну нельзя же все время противиться богам! Так или иначе, из Инностинга пришла весть о том, что местного друида побили палками и сломали ему волшебные пульты. Жители сами подписали себе приговор – и мы спешили привести его в исполнение. Затем – небольшой переход через дремучий ельник, а там

уже и Стохетхейм покажется на горизонте. Я сделал несколько больших глотков воды и утер губы. Припасов оставалось немного, благо, что путь короток. После того, как жители деревни примут заслуженную кару, мы пополним запасы и двинемся дальше.

Спустя примерно час солнца Бальдра стремительно скатились по небосклону, погрузив планету в темно-синие сумерки. Я, поторопив коня, подъехал ближе к хмуromу Олафу:

– Скоро ли Инностинг?

– А что, малец, спешишь меч в кровь окунуть? В таких делах торопиться не надо – лучше словами скреститься, чем клинками.

– Насчет Инностинга отец сказал твердо – наказать. Значит, придется биться, а жители вряд ли дадут себя просто так приструнить.

– Это ты верно подметил; наш род человеческий таков, что себя в обиду давать не привычен. Раз конунг сказал, что наказания не избежать, стало быть, будем головы рубить. А что до пути нашего, так гляди, вот уже и огни меж стволов сосновых мелькают.

И верно – сошурившись, я разглядел вдалеке небольшие хижинки, плотным рядом выстроившиеся недалеко от маленькой реки. Кивнув, я вернулся на свое место в строю, а сердце сжало нехорошее предчувствие; кусая от волнения губы, я проверил, легко ли достается меч из ножен. Отец наградил меня этим мечом на семнадцатый день рождения – не слишком длинный и не слишком короткий, он был идеально сбалансирован, лежал в руке как влитой. Вскоре я полюбил его без памяти и гордо назвал Бардом за музыкальный звон, который он издавал при каждом взмахе. Меч для дружинника Стохетхейма – все равно что родной брат, воплощенный в металле, с ним не расстанутся, разве что клинок не выдержит и сломается в бою.

Вскоре затихли и шуточки Тира, и неистовый гогот Бьорна – тихо переговариваясь, дружинники готовились к бою. Проторенная тропа вывела нас из ряда деревьев – и Инностинг показался во всей красе. Кажется, люди не спали; в окнах мелькал свет, да и на улицах метались тени – как будто жители бродили с факелами.

– А ну, друзья, прибавим ходу! – крикнул Олаф и устремился вперед, а за ним и все остальные.

Я, словно в забытьи, старался попевать, а сам думал только о том, как сейчас схлестнусь в бою с каким-нибудь деревенщиной, который наплевал на все законы царства человеческого. Перед глазами так и стояло его бородатое лицо – рот в пене, глаза горят... Наконец, мы ворвались в деревню и поспешили к главной площади. У дверей хижин стояли хмурые женщины с детьми; малыши что-то спрашивали и указывали на нас пальцами, а матери только шикали да провожали нас взглядами. Мужчины собрались на площади – широкой вытоптанной поляне между домов, в центре которой стоял небольшой помост для выступающих. Здесь проводились собрания и объявлялась глашатаями воля конунга и того, кого он представлял – Бледных. В нас впились десятки взглядов, таких же острых, как мечи и топоры; один из жителей, седой старик с факелом, вышел вперед. Олаф остановился прямо перед ним.

– Кто тут среди вас старейшина? – громогласно объявил воевода, смотря поверх голов людей, будто специально не замечая посланца.

– Я здесь старейшина, – спокойно ответил старик, – а вы, стало быть, псы конунга?

– Псы, стало быть, – усмехнулся Олаф, – а ты дерзить не спеши. Видят Бледные, не хотим мы мечи в ход пускать, но, коли заставите, так не дрогнем.

– А мы, – старейшина обернулся, и жители похватили дубины и вилы, – и сами не робкого десятка. Не нужны нам больше ни колдуны ваши, ни Бледные! Издавна мы идолы духам леса ставили – и сейчас не перестанем! Где это видано, чтобы друиды, которые за урожаем да зверьем следить должны, детей наших забирали?! В следующий раз мы такого колдуна не отпустим – вздернем на площади, да и пусть воронье ему глаза выест!

Толпа одобрительно зашумела, придвинувшись чуть ближе. Мой конь, волнуясь, грыз удила и беспокойно переступал на месте. Оленерогий обернулся к нам – в свете факелов

его борода отливала серебром. Он сокрушенно покачал головой и едва заметным движением поправил ножны, чтобы удобнее было хвататься за рукоять меча.

– Что-то, старик, за нос ты нас водишь да головы морочишь. Никогда колдуны детей не трогали! Не хотите дань Стохетхейму платить, так и скажите! А всякие страшилки кому еще на ночь рассказывай!

– Да ну? А ты спроси у конунга своего, что друиду было приказано, а потом уж суди нас! В чем наше преступление, кроме того, что жить вольно хотим, да детей не даем в обиду? Нет вам хода в Инностинг; поворачивайте коней, а не то хуже будет!

– Точно! Проваливайте! Вон из нашей деревни! – загомонил толпа; Олаф едва успел поднять щит, как в него ударились несколько брошенных камней.

– Ну все, старик, ты сам себе такую судьбу уготовил! За нарушение указа конунга и нападение на колдуна наказание – смерть! Мечи наголо!

Ну вот и все! Мое сердце билось все быстрее – онемевшими пальцами я с лязгом извлек Барда. Наша дружина ударила в толпу и прошла сквозь нее, как раскаленный нож сквозь масло. Меня опьянил бой – крики, звон оружия, запах стали и крови... Сознание помутилось, и, будто во сне, я рубил направо и налево, пока не отнялась рука. Не знаю, скольких мы отправили в Хель, царство мертвых; прошло совсем немного времени – не успела бы и маленькая свечка прогореть, как толпа дрогнула, рассыпалась, и люди побежали куда глаза глядят, побросав оружие. Олаф и остальные натянули поводья; я же, гонимый жаждой крови, помчался за старейшиной. Старик обернулся и, увидев меня, припустил еще быстрее, но споткнулся, повалившись на землю. Охнув, старейшина успел только перевернуться на спину, а я уже слез с коня и стоял над ним, тяжело дыша.

– Хорошо, хорошо, ваша взяла! – седой старец поднял руку. – Не губи, сжался!

Я не слушал. Скривив губы, взмахнул клинком... Бьорн схватил меня сзади, прижав руки к туловищу:

– Остынь, парень! Хватит кровь лить, хватит!

Я бился в хватке громады, изрыгая проклятия, пока голову не очистил луговой ветер, несущий запахи цветов и реки. Кровавая пелена отступила, и я заплакал, поняв, что только что натворил. Старейшина не смел поднять взгляда, сжав голову руками.

– Ну? Угомонился? Так всегда в первый раз, не хнычь – поди, воды попей да посиди. Вырвет – так не волнуйся, это нормально, – Бьорн выпустил меня, и я закашлялся – силач едва не задушил; не руки – а бревна!

Понурился и размазывая по лицу слезы, я побрел назад, к коню, и дрожащими руками схватил бурдюк с водой. Драчун оказался прав – тошнота подкатила внезапно, и я согнулся пополам. Утерев рот, бросил взгляд на меч – с него капала кровь, тягучая, как древесный сок. Будто издалека, донеслись слова Бьорна:

– А ты, старый, иди назад, в деревню, да заруби на носу себе – слово конунга священо! Не потерпит он такого бесчинства. Услышим снова о бунте, так легко не отделаетесь...

– Бледные вам головы совсем заморочили. Природа такого злодейства не выдержит – вот увидите, настигнут вас лесные духи, а уж от них мечом не отмахнешься! – прохрипел старик, поднимаясь на ноги.

Но Бьорн его уже не слушал – Олаф протрубил в рог, созывая дружинников. Я, все еще не придя до конца в себя, забрался в седло и вставил ноги в стремя. Оленерогий окинул меня взглядом и, что-то проворчав, кивнул.

– Бьорн, давай шустрее! Поторопитесь – наберите воды в бурдюки, хлеба возьмите из хранилища, если нужно... Имеем право по указу конунга! Нам еще по ночному лесу пробираться – не самое приятное занятие, так что давайте выступим поскорее.

Вскоре мы поскакали дальше, перейдя маленькую речку вброд; я то и дело оглядывался – тела лежали на поле недвижно, и к горлу снова подступала горькая тошнота, когда я вспоминал,

как рубил жителей мечом. Он все еще лежал в моей руке – кровь никак не желала смываться, и я с остервенением тер клинок грязным куском ткани. Слова старейшины почему-то запали в душу – что он имел в виду, когда предупреждал о лесных духах? Неужели они и вправду существуют?

– Олаф!

– Чего тебе?

Я снова нагнал воеводу.

– А что, если старейшина был прав, и в этом лесу водятся духи? Не опасно ли ехать ночью?

– Утра ждать – опоздаем, нам нужно точно в срок вернуться, – покачал головой Оленегий, – к тому же, не верь ты в эти глупости. Есть только Бледные и их высший суд; никаких духов или бесов в лесах отродясь не видели, а я пожил уже немало, да и повидал тоже. Так что, выбрось слова старика из головы – из ума он выжил. Лучше постарайся в седле не заснуть, а то еще ударишься о какой-нибудь сук, упадешь и шею свернешь. А меня за это конунг казнит потом.

Слова воеводы меня немного успокоили, но блеклая тень сомнения все же осталась. Ночь – хоть глаз выколи, будто все сажей измазали. Светлая луна покажется только завтра, продержится на небосводе три дня, а потом снова сгинет на неделю. Шорохи ночного леса нагоняли тревогу – то ухнет вдалеке сова, то кустарник треснет тонкими ветвями, словно кто крадется... Как знать, может, действительно кто-то смотрит на нас из темных зарослей? Мою душу охватило плохое предчувствие – хоть воевода и не верил в духов, я рос человеком довольно-таки суеверным, поэтому решил держать меч наготове всю ночь. Пусть этот лесок и располагался совсем рядом со Стохетхеймом, порой доносились слухи о разбойниках, которые становились с годами все смелее и отчаяннее.

– Эй, Тир, зажги-ка факел, – Олаф обернулся в седле, – ни зги не видно, а конь что-то волнуется. Боюсь, как бы не волки...

Дружинник кивнул и поджег факел – маленький островок света разогнал чернила ночи. Тени деревьев и кустов, вторя пляшущему пламени, затрепетали вокруг нас; вдалеке раздался тихий вой – и правда, что ли, волки бродят... Ко мне с лукавой улыбкой повернулся Алрик Щитоносец, еще один молодой дружинник, едва ли старше меня на пять лет. Он и не думал вытирать лезвие своего топора, и в пламени факела кровь на металле играла всеми оттенками багряного.

– Ну что, Верманд, понравилось тебе головы сечь?

– Не напоминай, – я угрюмо опустил глаза, – чувствую себя ужасно. Будто зарезал невинного.

– Конечно, это тебе не манекен с соломой! – засмеялся Алрик. – Как приедешь, расскажешь подружке о своих подвигах, а? Как там ее зовут? Кэри?

– Не твое дело! – я взглянул в глаза «шутнику». – Не посмотрю, что ты дружинник, попробуешь надо мной подтрунивать, я живо тебе зубы пересчитаю.

– Ого, какой резвый! А хватит сил, малец?

– Закрой рот, Алрик! – я не заметил, как к нам подъехал Олаф и отвесил хохмачу звучную затрещину. – У тебя самого борода еще еле растет, нашел, перед кем красоваться! Лучше бы топор протер – едешь, как какой-нибудь разбойник с большой дороги! Как вернемся в Стохетхейм, я с твоей дисциплиной поработаю – ох, и запоешь ты соловьем тогда!

– Да я же просто пошутил, – проговорил Щитоносец, потирая ушиб, – я ж несерьезно!

– Тогда в шуты тебя конунгу отдам, а пока ты в дружине, да в ночном лесу – держи пасть на замке!

Дерзкий задира! Алрик мне сразу не понравился, в первый же день в дружине; до моего прихода ему нравилось подначивать Стефана, скромного молчаливого увальня, который сей-

час ехал ближе к голове отряда. Теперь же он решил переключиться на меня, да еще и про Кэри откуда-то вызнал! Как будто дружиннику больше заняться нечем! Лучше бы тренировался с таким же усердием – видал я, как неуклюже он машет топором...

Мы проехали по лесной дороге еще какое-то время. Холод больно кусал за бока, и даже плащ уже не помогал, сколько бы я в него ни кутался. Внезапно где-то слева от дороги отчетливо треснула ветка – я обернулся, сжав Барда. Как будто кто-то крадется через заросли... Бандиты? Лишком близко к Стохетхейму – сюда им точно нет резона забредать, да и нападать на вооруженную дружину – идея не самая лучшая.

– Эй, Тир! Бьорн! Стефан, Хакан – вы слышали?

Дружинники переглянулись и завертели головами.

– Нет, Верманд, в чем дело?

– Кажется, кто-то следит за нами из чащи. Я только что слышал легкие шаги, и ветки на земле трещат, словно на них наступают...

Воины нахмурились и взяли за оружие; отряд замедлился, и вскоре весть донеслась до Олафа. Старик приказал всем замолчать и прислушался. Минута томительного ожидания – ничего, тишина, только ночные жуки стрекочут да птицы хлопают крыльями. Даже вой волков затих вдалеке.

– Нет здесь никого, Верманд. Это у тебя еще бой в крови клокочет – постарайся расслабиться, мы уже почти приехали домой.

Я вздохнул. Наверное, и правда, виной всему тьма ночи и бой в Инностинге – вот и чудится всякое, шорохи да стуки. Успокоившийся было Алрик с гадкой ухмылкой обернулся снова. Но едва он раскрыл рот, чтобы отпустить какую-то едкую шутку, как из чащи со свистом вылетел маленький топорик и вонзился прямо Алрику в голову, проломив шлем. Я обомлел, а конь неистово заржал, забив копытами. Наш отряд остановился, все смешалось – закричал Тир, повернул назад коня Олаф; тело Щитоносца выскользнуло из седла и грузно рухнуло на лесную дорогу.

– Алрик! – я спрыгнул на землю и подбежал к дружиннику.

Мертвее не бывает – метательный топор едва не рассек голову пополам.

– Назад! В седло, черт тебя дери! – закричал мне Олаф.

В то же мгновение ему в бок воткнулся такой же топорик, и старик, охнув, повалился на землю. Кусты зашумели и затрепетали – с треском кто-то ломился прямо к нам.

– Ка-р-да! – из зарослей выпрыгнули долговязые воины, вооруженные короткими копьями, топорами и маленькими круглыми щитами, размалеванными краской и украшенными перьями.

В неверном свете факела мелькнуло лицо – раскосые глаза, длинные светлые волосы, кожа цвета миндаля... Альвы! Лесные хищники и разбойники – так вот, о каких «духах», наверное, говорил старейшина! Их было человек двадцать – с воинственными кличками альвы набросились на нас, и закипел бой. Из рук Тира выбили факел – упав в грязь, он погас, погрузив лес в непроглядную тьму; я махал мечом наугад, зато альвы видели в ночи, как кошки. Мне никогда еще не приходилось встречаться с ними – знал я об этих лесных жителях только со слов отца.

Где-то в пылу схватки вскрикнул Стефан, и раздался глухой удар – как будто кто-то упал с коня. Меня сбили с ног, ударив в грудь; не почувствовав боли, я вскочил на ноги, стараясь пробиться к остальным дружинникам, которые в последних отблесках факела встали вокруг раненного Олафа. Сзади меня схватили за руку – чья-то сильная ладонь сжала предплечье; я вслепую ударил назад мечом, и клинок Барда напоролся на что-то мягкое, а в воздухе повис запах крови. Бой превратился в настоящую потасовку, свалку, в темноте невозможно было разобрать, где люди, а где альвы. Я получил удар кулаком по лицу и, на секунду потеряв равновесие, упал на землю. На грудь мне прыгнул альв – глаза понемногу привыкали к темноте,

и я разглядел, как сверкают его кошачьи глаза. Он издал вопль и занес кривой нож, метя мне в горло – и вновь я смог опередить убийцу, взмахнув клинком снизу вверх; взвизгнув, альв отполз в сторону, пытаясь зажать рану на боку. Я рывком поднялся и одним взмахом поющей стали отсек ему голову. Пошарил по земле в поисках щита – но, стоило его поднять, как в него впились несколько топоров. Широкая трещина расколола щит пополам – пришлось бросить бесполезный теперь кусок дерева, обитый кожей.

– Олаф! Бьорн! – я кричал изо всех сил, напрягая глотку, но не получил ответа – в уши лились только звон металла и глухие удары оружия о щиты.

– Ка-р-да!

Я резко обернулся, но не успел поднять меча – с воинственным криком альв ударил меня топором по шлему. Пред глазами поплыли круги, зазвенело в ушах, по лбу потекла теплая струйка крови... Ноги подкосились и, пытаясь руками удержать равновесие, я упал прямо в придорожный кустарник. Все глуше и глуше звучали далекие крики... Пока сознание не оставило меня.

Я не знал, сколько времени пролежал так, раскинув руки, смяв куст орешника. В глаза лился свет двух солнц, а над шумящим лесом щебетали птицы. Я со стоном попытался сесть и почувствовал, как болью обожгло голову – шлем раскололся, а все лицо покрыла запекшаяся кровь. Осторожно потрогал макушку – топор только чуть разрезал кожу, ничего серьезного, но удар оказался мощным. В кольчуге красовались дыры, а плечо и нога сильно ныли – приглядевшись, я увидел несколько неглубоких порезов. Вероятно, после того, как меня ударили по голове, альвы решили, что мне пришел конец. Наконец, спустя несколько минут бесплодных попыток, мне удалось встать на ноги.

– Олаф!

Молчание. Только какая-то птица закричала, сидя на еловой ветке.

– Бьорн! Хакан!

Нет ответа. С тяжелым сердцем я, шатаясь, вышел на дорогу – и снова упал на колени, увидев поле боя. Все залито кровью, кони пропали – альвы, судя по следам, увели их глубоко в ельник. Повсюду лежали тела дружинников, ни один из них не шевелился, не пытался встать, не отвечал на зов. Трупы альвов пропали – видимо, сородичи унесли их с собой. Я подполз к окоченевшему Алрику.

– Ну же, очнись! Давай!

Бесполезно! Глаза юноши остекленели, а губы давно посинели... Я метался от тела к телу, безуспешно тряся друзей и соратников за плечи.

– Нет... О, нет! Бьорн, вставай! Тир, ну что же ты?!

Посреди дороги я обнаружил тело Олафа – с бедняги сняли кольчугу и стащили наградной меч в богатых ножнах. Лицо старика осталось таким же суровым, как и при жизни – борода колыхалась на ветру, будто свитая из паутины. Утирая слезы, я оттащил всех по очереди с дороги и уложил рядом друг с другом.

– Прощайте, братья, – я расплакался, закрыв лицо руками.

Мрачные мысли душили, как силки, и я решил уйти как можно быстрее, чтобы оставить позади лес, альвов, смерть и горе. На дороге, где чернели лужи высохшей крови, я вонзил в утопанную землю оружие дружинников, которое не забрал лесной народ, а рядом грудой сложил разбитые шлемы. Пусть все, кто проходят мимо, знают, что здесь лежит дружина воеводы Олафа, не знавшего поражений и страха. До сего дня. Спотыкаясь, я побрел в сторону Стохетхейма, надеясь дойти, не упав замертво от усталости, жажды и голода – все припасы исчезли вместе с конями.

Так я и шел, не разбирая пути, утоляя жажду в грязных лесных прудах, от которых воняло водорослями, и поедая ягоды, рискуя отравиться – ведь я не знал даже, как отличить съедобное от несъедобного. Лесные звери удивленно провожали взглядами одинокого человека, сла-

бого, израненного, едва стоящего на ногах. Я бесчисленное количество раз падал на пыльную дорогу, ронял Барда, но снова поднимался и шел вперед, подхватив меч – его бросать нельзя было ни в коем случае. Потерял меч – потерял самого себя. В конце концов, я вышел из дремучего ельника и закричал от радости – всего в каких-нибудь трех часах ходьбы раскинулся Стохетхейм, уютно устроившись в долине меж холмов и лесов. На улицах города царил оживление – как и всегда по утрам, рынок кипел от покупателей и продавцов, кузни наполняли улицы звоном и запахом раскаленного металла, а пекарни пытались соперничать с ними ароматом свежего хлеба. Ребяшня играла прямо на мощеном тротуаре, а их матери проводили свободное от домашних забот время за сплетнями и пересудами, обсуждая всех и вся в городе. Голоса утихали, когда я шел мимо – едва дыша и заглядывая людям в глаза. Никто мне не помог, ничего не сказал, даже не подал руки – все молча отводили взгляд, узнавая во мне юного сына конунга.

Тем временем в тронном зале царил смятение – отец не находил себе места, расхаживая взад-вперед по всему дворцу. Дружина должна была явиться на рассвете, а Олаф никогда не опаздывал! Что-то случилось – это точно; и Ингварр был бы куда спокойнее, если бы сам не отправил к воеводе собственного сына. Личные стражи правителя не осмеливались издать и звука, только беспокойно переминаясь с ноги на ногу. Сев назад, на резной деревянный трон, Ингварр подпер голову рукой и закрыл глаза. Все чаще он начинал размышлять о том, чтобы выслать небольшой отряд навстречу дружинникам, и, если понадобится, идти до самого Инностинга. Слуга тут же подскочил с кубком, полным прекрасного вина, но Ингварр лишь раздраженно махнул рукой, прогоняя лакея. Остальная свита возбужденно перешептывалась, обсуждая, что же могло случиться с такой крупной дружиной на патрульном маршруте, когда я распахнул двери зала и вошел внутрь, подволакивая раненую ногу.

– Сын! – конунг вскочил с трона и помчался ко мне. – Да что же вы стоите, поддержите его, кто-нибудь!

Ошеломленные слуги и стража не сдвинулись с места. Отец сам подхватил меня под руки.

– Именем Бледных, сынок, что случилось? – отец едва не плакал, проводя рукой по широкой ране на моей голове.

– Все... Все мертвы. Все до единого. Остался только я.

– Как это могло произойти?

– Альвы. На нас напали альвы в лесу, – единственное, что мне удалось вымолвить.

Сознание снова милосердно улетучилось вдаль, и я обмяк в руках отца. В замок ворвались мать и дядя Сверр; колдун уже готовил волшебные пульта и целебные травы.

Глава третья

Фрагмент электронного письма исполнительному директору компании «Доступная Вселенная» от общества по защите прав человека: «Уважаемый В. Е. Берг, уведомляем Вас, что постановлением суда от 12.03.2251 в ближайшее время будет назначена проверка Ваших лабораторий на соблюдение прав подопытных, в том числе животных. Причиной нашего обращения в международный суд стали многочисленные тревожные новости о Вашем полигоне передовой экспериментальной науки (в дальнейшем – Бальдр) и подтвержденные различными источниками сведения о жестоком обращении с людьми, а также проведение Вами экспериментов, требующих письменного согласия испытуемого, что невозможно ввиду неразвитости общества, из которого отбираются кандидаты».

Времена изменились. Теперь, чтобы исполнить волю богов, требовалось немалое терпение и смелость – некоторые колдуны добровольно отдавали пульта, отказываясь от магических сил, лишь бы только не ходить в отдаленные селения. Сверр все чаще хмурился и запирался в хижине, а я никак не мог понять, почему. Пять лет улетучились вдаль, просочились, как песок сквозь пальцы. Через два месяца меня ожидала встреча с Бледными у великого Оракула; к счастью, я уже решил, что избрал верный путь. Меч и щит, да резной трон – вот, что меня ждет в будущем. Несмотря на долгий срок, мои душевные раны от того судьбоносного боя в лесах так и не затянулись, и лишь недавно я перестал видеть во сне погибших товарищей. Отец, как только смог, отправил на поиски тел отдельный отряд, вооруженный до зубов на случай нового нападения; лесные звери успели обглодать тела, но бранные кости Олафа и его дружинников предали почетному захоронению. Пять лет непрерывных тренировок и достойной службы выковали из меня отважного воина, и народ Стохетхейма теперь знал меня как Верманда Сурового, сына конунга, самого верного его воеводу. Меня удостоили собственной дружины – пусть пока и немногочисленной. Это огромная честь – история знала очень мало примеров, когда воеводами становились в столь юном возрасте. Всего двадцать два года, а убежденные сединами ветераны готовы идти под моими знаменами в бой.

Теперь каждый раз, когда Бледные передавали через колдунов свои повеления, отряды дружинников должны были сопровождать чародеев в села, города и деревни, охраняя от гнева толпы. Где-то их встречали с распростертыми объятиями, а где-то только наши щиты сдерживали народ от рукоприкладства. Ходили тревожные слухи о Спасителях Бальдра – группе людей, открыто выступивших против власти Стохетхейма и Бледных. Безумие! Я был уверен, что так называемые «Спасители» – просто кучка бандитов и негодяев всех мастей из городских трущоб, которые нашли новый способ наживы, прикрываясь народной волей. Нам еще не пришлось вступить с ними в открытый бой, но подпортить кровь они уже успели – крали припасы в селах на патрульном маршруте, устраивали ловушки и завалы на лесных и горных тропах, а один раз осмелились отравить воду в деревенском колодце, из-за чего в страшных мучениях погибли два хороших бойца.

Нахмурившись, погруженный в мрачные думы, я ожидал появления колдуна, которого я и мой отряд должны были вести в маленькое село к северу от столицы. Обычное дело — дружина уже шесть раз кряду выступала в роли телохранителей и конвоя. Воины постепенно появлялись на главной площади, седлая коней и собирая припасы – осталось дожидаться только троих. Жители с любопытством оглядывали наши украшенные щиты и сверкающие кольчуги, а городские мальчишки вызывали на бой, размахивая деревянными мечами.

– Тревожно мне, сын, – сказал отец перед тем, как назначить мне это задание; он стоял у окна замка, заложив руки за спину, и смотрел на первые снежинки, – близится час твоей встречи с Бледными, и почему-то мое сердце сжимает чувство близкой беды.

– Не волнуйся, – я положил руку конунгу на плечо, – мы уже много раз сопровождали колдунов, ничего не случится. Жители окрестных сел знают, кто я такой, они не осмелятся напасть. А если и решатся – ты знаешь, мечник я хоть куда. Мне нет равных.

– Не деревенские бунтовщики меня страшат, – покачал седой головой Ингварр, – а вести с востока. Говорят, осинников стали встречать в лесных чащобах; нехороший это знак. Сви-репый народ деревьев просто так не меняет место жительства – их или что-то заставило уйти, или... Или, что еще хуже, нечто притягивает их сюда. Сам знаешь, чем это грозит. А за осинниками по пятам следуют и альвы.

Услышав это слово, я судорожно сжал рукоять Барда.

– Альвы?!

– Да, сынок. Я знаю, что в тебе горит жажда мести, но прошу, следуй голосу разума. Ваш путь пролегает через леса – не дай злости затмить твой взор. Если случится ужасное, и вы все же попадете в засаду этих дьяволов, не повтори судьбы Олафа, да вечна будет память его и легка судьба в Хель.

– Конечно, папа. Как ты всегда мне и говорил – сражаются прежде всего головой, – с улыбкой я постучал пальцем себе по лбу.

– Верно. Думай, прежде чем махать мечом.

Ингварр расправил могучие плечи и поправил королевскую мантию.

– Что ж, да хранит тебя космос. Сверр пришлет своего колдуна-подопечного.

Я поклонился отцу и, попрощавшись, поправил ножны с Бардом на поясе. Вышел в коридор дворца и направился вниз по ступеням – в замке царило необычное оживление. Обычно неприветливые и глухие ко всему стены отражали эхо разговоров и смеха прислуги. Праздник, что ли, какой? К сожалению, у меня была плохая память на даты. Вскоре я понял, что так взбудоражило слуг – прибыла дева Кэри со свитой. Вот она – стоит среди своры лакеев; рыжие волосы, заплетенные в косы, горят ярче факелов. Богатые одежды, украшенные орнаментом, и драгоценный пояс, осыпанный камнями цвергов – мой подарок. Заметив меня на лестнице, Кэри растолкала слуг и бросилась навстречу.

– Верманд! – мы обнялись. – Снова в поход? Даже не останешься со мной на денек?

– Прости. Долг зовет. Обещаю, как только вернусь, проведу с тобой все свободное время! Я мигом примчусь; поход короткий, всего на несколько дней.

– Ну, хорошо, – она лукаво улыбнулась, – но за это ты научишь меня стрелять из лука!

– Ха! – я рассмеялся. – Не ты ли мне много лет назад сказала, что это скукотища?

– Конечно, скукотища, но делать мне все равно нечего, – пожалла плечами девушка и тоже засмеялась, – береги себя, Верманд. Пусть Бард тебя не подведет.

– Ты же знаешь, пока ты жива, я неуязвим.

Кэри одарила меня поцелуем, и я, выбежав из дворца, с легким сердцем прыгнул в седло.

Я очнулся от дум, услышав, как кто-то зовет меня по имени. Воспоминания о Кэри растворились в свете обоих солнц. Меня окликнул Александр Стальной Кулак, один из дружинников, двадцати трех лет от роду; несмотря на то, что он был на год меня старше, разница в опыте и боевой выучке поражала – если я уже пять лет непрерывно упражнялся во владении мечом, то Александр стал воином едва ли три месяца назад.

– Верманд, все в сборе. Где носит колдуна? Нам пора уже выступать, чтобы не застать ночь в дремучем лесу!

– Я – не Сверр, дела волшебников мне неизвестны. Без колдуна все равно нам в деревне делать нечего – сказано ждать, значит, стоим и ждем!

– А, так вот же он! – сказал еще один дружинник, указав пальцем в сторону рынка.

И верно – ошибки быть не могло, перед нами самый настоящий чародей; мало кто в городе решит просто так носить синюю мантию с золотыми узорами. Я удивленно поднял бровь – обычно все подопечные Сверра, согласно традиции, не брили бороды и не стригли волос. У некоторых колдунов шевелюра достигала пола, и они путались в ней во время ходьбы. Голова этого кудесника оказалась гладко выбрита, а макушку украшала странная татуировка в виде змеиных колец. Подбородок практически сверкал на солнце, в таком порядке он содержался. Ни намек на бороду или усы – может, иностранец? Впрочем, все равно; я пожал плечами. Нам приказано проводить его и обеспечить безопасность, а не рассматривать лысины. Ладони он спрятал в рукава собственной мантии, спасаясь от утреннего холода – зима рысью подкрадывалась к Стохетхейму, ледяным дыханием сковывая ручейки и озера окрест.

– Верманд Су ровый, какая честь, – склонился колдун, выставив на всеобщее обозрение татуировку, – рад, что конунг выделил для меня именно вашу дружину, слухи о воинской славе разносятся далеко.

Я сухо кивнул и передал ему поводья коня, который нетерпеливо рыл землю копытами.

– Давайте покончим с любезностями и отправимся в путь. Вы готовы выступать?

– Разумеется. Именем Бледных, идемте.

Мы выехали из ворот Стохетхейма и отправились к северным Скорбным холмам, на которых раскинулось городское кладбище. Холмы успели обзавестись маленькими снежными шапками, и теперь, будто воины в парадных шлемах, встречали нас холодом и ветрами. Путь предстоял не такой уж далекий – сложнее всего придется в самом селении, если жители решат воспротивиться. Почти всю дорогу я провел в молчании, лишь изредка отвечая дружинникам; я не хотел ни с кем заводить дружеских отношений, чтобы потом, как пять лет назад, не страдать от горечи утрат. Лучше принять судьбу такой, как она есть – раз я выбрал путь воина, то нужно относиться к смерти как к доброй соседке. Никогда не угадаешь, когда она придет к тебе за солью.

Есть свое очарование в зимнем Бальдре, когда лес примеряет белый наряд, а снежный покров сияет в свете солнц, как украшения Кэри. Следы маленьких лисих лапок на снегу будили охотничий азарт, но мы здесь не за шкурами; возможно, после похода стоит вернуться с собаками, чтобы добыть для Кэри прекрасный меховой воротник.

Я не стал собирать волосы в хвост, позволив им черными волнами расплескаться по плечам – шлему их не удержать. Голову уродовал шрам, которым меня «наградили» альвы пять лет назад. Длинную бороду я заплел в косички – такой любой дружинник бы позавидовал! Благодаря ей одной мне было теплее, чем колдуну; он ежился и мелко дрожал, ерзая в седле. Вскоре ему надоели праздные разговоры дружины, и он принялся что-то делать с магическими пультами. Видимо, готовил к скорой работе.

– Долго ли ты учился под началом Сверра? – внезапно спросил я, поравнявшись с магом.

Он вздрогнул, но мгновение спустя заулыбался.

– Уже десять лет. Я никогда не покидал Стохетхейма раньше, поэтому, очевидно, мы с вами и не встречались.

– И в какой магии ты преуспел?

– Бледные определили меня в друиды, господин, – колдун слегка поклонился в седле, – я, без лишнего хвастовства, прекрасный лекарь.

– Что ж, тем лучше для нас. Вот, чего не хватает дружинам – собственного друида-лекаря! Нужно будет поговорить с отцом на эту тему... И что же, мы едем лечить больных?

– Тогда бы ко мне не приставили охрану, – уклончиво ответил друид.

Я снова пожал плечами. Не хочет говорить – пусть, это не мое дело. Через день пути с неба обрушился самый настоящий снегопад – крупные хлопья снега жалили лысую голову колдуна, и ему пришлось накинуть капюшон. Видимость резко ухудшилась; невозможно разглядеть даже деревья в десяти метрах! Наугад, то и дело безуспешно пытаюсь свериться с картой,

я вел отряд дальше, по каменистым равнинам. Наконец, когда снег укрыл все вокруг мягким одеялом, мы выехали на вершину небольшого холма, с которого открывался прекрасный вид на селение внизу. Всего-то домов пятнадцать, притаившихся у самой кромки леса; я и названия деревушки не помнил, да и какая, впрочем, разница? Среди хижин началось какое-то волнение – маленькие фигурки людей, как муравьи, копошились в своем гнезде. Наверняка заметили нас – черные силуэты всадников отчетливо выделялись на фоне стального хмурого неба и кипельно белого снега. Фыркая, кони побрели вниз по склону, оставляя в снежном покрове причудливые следы.

***

Как и в день моего отъезда, стоя у узкого замкового окна, Ингварр смотрел на снегопад, выискивая что-то среди танца снежинок.

– У меня недоброе предчувствие, – сказал он громко, даже не оборачиваясь.

Сверр кивнул и встал рядом; конунг почувствовал приближение колдуна, точно так же, как чувствуется приближение скорой грозы. В воздухе запахло бурей, а по коже пробежал холодок, как будто тысячи маленьких иголок одновременно впились в тело. Скосив глаза, конунг посмотрел на брата – магические пульта полыхали от сокрытой в них силы.

– Переживаешь за сына? Он справится. Жизнь закалила его, как добротный клинок.

– Разумеется, переживаю. Но, на самом деле, не из-за альвов или лесных бандитов – с этим-то он справится. Я многому научил Верманда и многое ему рассказал. Он каждый раз кивает, с улыбкой повторяет мои слова, говорит, что думает, прежде чем пускать в ход меч. Но он слишком горяч. Ему легко вскружить голову. Боюсь, как бы не натворил бед.

Сверр нахмурился и хмыкнул, поглаживая густую бороду.

– Бледные хотят тебя видеть, брат. Они послали меня передать, что Оракул ждет. Тебе оказана честь аудиенции – поспеши. Боги зовут конунга к ответу.

– К ответу? Но за что? – Ингварр поплотнее запахнулся в плащ.

– Ты сам знаешь, что я не ведаю. Хоть я и верховный колдун, Бледные хранят от меня в секрете все свои планы. Выслушай их, брат. И помни – только они могут вершить над нами суд. Слово Бога – закон. Мы сейчас стоим в замке, а не лежим холодными костями в промерзлой земле только благодаря им.

Оракул гудел как проклятый и заставлял зубы конунга ныть. Ингварр всеми фибрами души ненавидел этот момент, когда нужно войти в священный зал общения с Богами. Посреди залы – широкий, словно огромное окно, экран. А на нем – туманные образы, буйство красок, словно сказочный портал в другие миры. Вот-вот что-то должно было проявиться, обрести очертания в хаосе линий и переплетений. Колдуны, которые обычно обслуживали устройство Кархайма, поспешно вышли прочь – видимо, сами Бледные сказали им, что разговор с конунгом не должен коснуться больше ничьих ушей. Экран моргнул; с него смотрел один из небожителей – так похожий на обычного стохетхеймца, но, в то же время, невероятно отличный от него. В этом и крылась разница между Богом и созданным им существом. Простой человек в присутствии создателя в полной мере осознает собственную ничтожность.

– О, великие Бледные! – произнес конунг обычное приветствие, опускаясь на одно колено. – Верховный колдун сообщил мне, что вы хотели меня видеть. Чем я могу быть полезен космосу?

– Ты не торопился сюда идти, – проговорило лицо с экрана, оценивающе смерив Ингварра взглядом, – дело касается твоего сына.

Сердце конунга будто пронзили копьем.

– Мой сын... С ним что-то случилось? Смертельный удар нашел его?

– Вовсе нет. По крайней мере, пока. У нас другой вопрос – почему ты так не хотел показать нам своего наследника? Боишься чего-то, конунг?

«Значит, Сверр им все рассказал», – с досадой подумал Ингварр. Он решил сказать правду.

– Я просто хотел, чтобы он стал воеводой. Магия сгубит его, о великие. Он слишком горяч, слишком... Слишком сорвиголова. Он не так мудр, как Сверр, и не так холоден. Игры с колдовством его погубят.

– Это не оправдывает того, что ты скрыл от нас интерес мальчишки к технол... Кхм. К магии. Помни, кто поставил тебя на трон, Ингварр. Помни, в конце концов, кто вас создал! Кто подарил вам мир, богатство, славу, леса, поля и горы! Забыл, кому должен подчиняться? Думаешь, сам все решишь, без нашей помощи?

– Нет, что вы! Нет! – Ингварр пал ниц и упер лоб в холодный пол. – Прошу, простите меня! Я знаю, что ошибался. Знаю, что должен был показать его вам... И я готов понести наказание! Я бы никогда не посмел васслушаться!

– Нет необходимости в наказании, – задумчиво ответил Бледный. – Мы хотим знать, что власть в величайшем городе планеты представляет кто-то, кто безгранично нам верен. Мы – Боги. А вы – просто смертные, несущие нашу волю. Ты все еще верен нам, Ингварр? – вкрадчиво процедил небожитель.

Кровь прилила к лицу правителя. Он вскочил на ноги и выхватил клинок. На мгновение лицо Бледного исказилось, но конунг поднял меч над головой и громко провозгласил:

– Да! Нет никого в этом мире вернее, о великие! Я долго служил вам, и продолжу это делать с честью! Любой, кто посмеет даже неосторожное слово швырнуть в вашу сторону, падет пред моими ногами, пронзенный этим самым мечом! И пусть даже... Пусть даже это будет мой сын! Или жена! Нет ничего важнее вашей воли, и моя жизнь принадлежит Кархайму!

Бледный помолчал. Пожевал губу. Наконец, удовлетворенно кивнул.

– Хорошо, – сказал он спокойно, – можешь идти, конунг. Мы на тебя рассчитываем. Последнее время среди твоих людей нарастает недовольство, беспорядки разгораются на улицах. Избавь нас от этой заботы.

– Будет исполнено. Даже если мне нужно будет вырезать половину королевства, – в глазах Ингварра горел темный огонь.

За дверью залы конунга ждала жена. Гул поутих, и Ингварр, все еще погруженный в размышления, смотрел, как свет факелов играет с золотыми волосами возлюбленной.

– Ты что, ты... Подслушивала?

– Нет, любимый. Но ты так громко кричал, что слышал весь замок, наверное, – она обвила руками шею конунга и положила голову ему на плечо, – не переживай. Ты все делаешь правильно. Я горжусь тобой! Если я когда-нибудь посмею перечить Бледным, ты должен зарубить меня на месте. Что бы они нам ни поручали – это высший суд. Нам могут быть непонятны пути Богов, но это не значит, что мы идем по правильной дороге.

Ингварр твердо кивнул. Мятежные деревни будут наказаны. Жестоко наказаны.

***

– Ну, вот мы и на месте, – удовлетворенно сказал я, – быстро сделаем дело и через день-два уже будем греться в теплых домах Стохетхейма.

Дружинники одобрительно заворчали.

– Да, снега выпало необыкновенно много. Для этого-то месяца! И холод прямо кусается...

– Как злой пес! У меня все пальцы синие!

– Кто же знал, что так все обернется? Надо было прихватить теплых варежек да плащи.

Беспечно болтая, мы въехали в круг домов, где уже собрались местные жители. Они переглядывались между собой и окидывали нас подозрительными взглядами; жители шептались так тихо, что слов не разобрать. Кажется, нашего визита не ждали. Я спрыгнул с коня и отцепил

от седла свернутый в трубочку лист бумаги. Указ конунга. Откашлявшись, прочел так громко, чтобы слышали все:

– Именем Бледных я, конунг Ингварр Благородный, повелеваю жителям сей деревни не противиться воле космоса и оказать колдуну и прибывшим с ним дружинникам всяческую поддержку. Если же вы посмеете причинить магу вред или воспротивиться моей воле, то воеводе, Верманду Суровому, разрешаю обнажить меч для наказания неверных.

Обычное послание – его всегда зачитывал воевода или колдун перед населением. Свернув бумагу, я сложил руки на груди и кивнул колдуну. К нам вышел коренастый старейшина, опираясь на узловатую палку:

– День добрый, воины. Коли Бледные велят, мы сопротивляться не смеем. Скажите только, что боги нам уготовили, а мы вас после и накормим, и напоим, да у печей согреем. Зима нынче ранняя пришла!

Дружинники заулыбались и потеряли руки. Редко нам оказывали такой прием! Даже я ухмыльнулся и убрал меч в ножны – какой удачный исход!

– Колдун, ступай со старейшиной и обговори дела. Воины, привяжите коней и отправляйтесь, куда вам скажут жители.

– Наконец-то, тепло! – радостно воскликнули дружинники и помчались выполнять указание.

Старик, правда, не спешил сдвинуться с места. Поглядывая то на своих подопечных, то на меня, он поглаживал бороду.

– Верманд, говоришь? Воевода? Хорошо, хорошо... Знаешь ли, последнее время нехорошая молва про колдунов ваших идет, будто бесчинства они творят всякие, да указам конунга не следуют. Будь добр, юноша, пойдем с нами! Я не хочу быть негостеприимным, но деревня мне роднее – проследи за магом, чтобы все точно исполнил, как приказано. По букве закона!

Я посмотрел на дружинников и махнул рукой – пусть идут, справлюсь и сам.

– Добро, идем.

Колдун выбрал один из домов и осторожно зашел внутрь, сбив о порог снег с сапог; мы со старейшиной шагнули следом. Убранство хижины предстало бедным, даже аскетичным – грубо сколоченная мебель, стол да стул, старая печь и лучина в углу. Когда старик, стуча палкой, вошел внутрь, хозяин дома поднялся с лавки, стоявшей у стены. Кроме него в хижине находилась женщина и ребенок лет семи.

– Не волнуйся, – старейшина похлопал мужчину по плечу, – это маг из Стохетхейма, пришел по воле Бледных.

Глаза друида остановились на ребенке. Пока я разглядывал хижину, он усадил мальчика на стул перед собой и пульты ожили, наполнив комнату таинственным зеленоватым свечением.

– Что это он делает? – прижав руки к груди, волнуясь, спросила женщина.

Седой старейшина поспешил ее успокоить:

– Все будет хорошо, ничего с вашим сынишкой не случится. Может, хворь какую убрать хотят... Вот и воевода с нами пришел – он проследит, чтоб все было как приказано.

Я перевел взгляд на пульты – что-то странное, нехорошее таилось в этом зеленом свете. Энергия, исходившая от них, сочилась угрозой, а не мощью ветров, как у Сверра Тучегона. Я нахмурился и приблизился, решив понаблюдать внимательнее. Мать ребенка, казалось, успокоилась, но все же опасливо поглядывала на татуировку друида.

Маг зашептал неизвестные слова, от которых мурашки пошли по коже. Внезапно я заметил, как глаза ребенка закатились, а на коже расцвела, словно плесень, ужасная сыпь.

– Эй! – крикнул я, хватаясь за клинок. – Что это ты делаешь?!

Друид посмотрел на меня одним глазом, едва обернувшись, чтобы не отвлекаться.

– Исполняю волю Бледных, воевода, что же еще?

– И что они велят тебе?

– Им нужно видеть, как эта болезнь будет пожирать тело мальчика. Зачем – мне неведомо. Старейшина ахнул, а отец ребенка, увидав гнусные пятна на коже, вскрикнул и бросился к друиду; мать залилась слезами.

– Пожалуйста, только не мой мальчик! Только не мой! Умоляю!

Друид вытянул один из пультов, и из стены вырвались цепкие лозы, которые оплели тело хозяина дома. Сколько бы мужчина не рвался, он не мог освободиться. В конце концов, силы его оставили, и он, беззвучно рыдая, повис в путах.

– Что же это такое... Неужели вы дитя загубите?! – крикнул старейшина.

– Такова воля Бледных, значит, так должно быть, – монотонно пробубнил друид, смотря в глаза ребенка.

Болезнь уже начинала съедать мальчика, покрывая лицо серыми разводами.

– Воевода, что ж ты замер? – крикнула мне женщина. – Останови это, прошу! Он сейчас его убьет!

Я стоял в оцепенении, не в силах сдвинуться с места, открыв рот в изумлении. Как это произошло? Как такое вообще могло случиться?! Прямо у меня на глазах колдун губит ребенка, не поведя и бровью; неужели все рассказы людей – правда? Неужто в Инностинге старейшина не соврал?

– Воин, прошу тебя!

Нет. Бледные не могли повелеть такого! Боги смотрят за нами из Кархайма, надзирая над человеческими судьбами – они не станут для развлечения убивать людей, которые служат им так долго! Это не магия, а темное проклятие... Не знал Бальдр еще такой болезни, чтобы за минуту обращала человека в гнилой труп! Не может быть – друид ослушался! Я уверенно сжал меч и двинулся к колдуну.

– Отпусти мальчишку, немедленно! Или, даю слово, я голову тебе отсеку!

Друид обернулся. В зеленом сиянии пультов татуировка на голове будто ожила, и змея угрожающе шевелила кольцами.

– Что? Вас послали защищать меня, а не мешать – разве стал бы я просто так убивать человека, без нужды? Вот, смотри, раз не веришь!

Колдун швырнул мне маленький свиток, а я развернул его дрожащими руками. Сомнений нет – рукой Сверра начертано повеление: заразить любого ребенка страшной болезнью, название которой знают только сами Бледные. Так хотят боги, так им нужно. Бледные желают увидеть смерть, а потом изучить тело, поэтому труп нужно доставить к Оракулу. Я не мог поверить собственным глазам. В одно мгновение весь мир, который я выстроил вокруг себя, обрушился, завалив меня обломками. Все оказалось правдой – слухи о бунтах из-за действий колдунов, слова жителей Инностинга, мерзкие сплетни о некромантии среди магов... Сверр сам подписал этот указ – значит, обо всем знал. Знал и ничего не предпринял! Какими бы всемогущими ни были боги, нельзя позволять им такое – не будет веры и поклонения, не станет и божества! Только демон мог пожелать смерти человеческой. Я задрожал, поняв, сколько злодеяний свершилось из-за нас, дружинников и воинов, потому что мы охраняли коварных колдунов, пока те творили черные дела; сколько загублено невинных душ за то, что посмели противиться темному колдовству. Когда власть милостивых Бледных сменилась царством дьявола? Я не хотел, просто не мог допустить такого ужаса; швырнув свиток на пол, растоптал его сапогами.

– Назад, маг! Не смей приближаться больше к мальчику!

– Как ты смеешь?! Ты ослушался Бледных! Конунг узнает об этом, и тогда тебе конец! – прошипел друид.

– Если все, что говорили про ваши дела в народе – правда, то я не стану слушать таких богов! Не существует их для меня больше! Ты говорил, что великий лекарь? Так лечи его! А откажешься – не проживешь и минуты!

– Я не могу! – отступил на шаг колдун. – Если я не убью его, меня лишат силы!

– Ты погубил ребенка, – я пошел на друида, выставив вперед меч, – и, по нашим законам, отдашь свою жизнь за его. Лечи, и я пощажу твою жалкую душу!

– Нет! – заорал колдун.

Он взмахнул пультами, и корни деревьев с грохотом пробили пол хижины, сковав меня. Лысый друид поспешно повернулся к ребенку и продолжил напитывать болезнью его тело, завершая начатое.

– Подлец! – я пытался освободиться; старейшина бросился на колени, пытаясь отодрать от меня толстые корни, но тщетно.

Тогда я принял единственное решение, которое сумел найти – размахнувшись со всей силы, метнул Барда в колдуна. Перевернувшись в воздухе, меч ударил его эфесом, и друид, вскрикнув, выронил пульты и упал. Корни ослабли; я сумел выдернуть ноги и подбежал к корчившемуся на полу магу. Внезапно он, скорчив гримасу ненависти, схватил один из пультов и направил мне прямо в лицо. Кожу обожгло, словно жарким пламенем, но я, стерпев боль, схватил меч и вонзил его прямо в сердце предателя. Колдун вздохнул и испустил дух; пульты погасли, потеряв хозяина. Я, схватившись за голову, сел на пол. Лозы завяли и осыпались пеплом, отпустив бедного отца. Из последних сил мужчина подполз к сыну и поднял его на руки. Мальчик был мертв – болезнь успела остановить сердце. Родители горько плакали, а старейшина причитал, хватаясь за сердце. Я встал, едва понимая, что делаю, и ударами меча разбил пульты. На шум сбежались дружинники – увидев, что произошло, отступили назад, дав мне выйти из хижины. Сломая голову, я помчался к коню и прыгнул в седло. Пустив коня галопом, я несся назад, в Стохетхейм, ведомый гневом и горечью – кто мог подумать, что нас ведут демоны, а Сверр – их преданный слуга? Мой дядя! Отец должен обо всем узнать, и немедленно!

***

Жители города с криками разбежались, чтобы не оказаться под копытами разъяренного, взмыленного коня. За время пути я успел все обдумать, а черная злоба рассеялась в морозном воздухе, выпустив из цепких объятий мое сердце. Отец был обманут, запутан Сверром, который потакает ужасным желаниям Бледных. Подумать только – а ведь я молился этим темным богам, с их именем на устах нес смерть тем, кто осмелился роптать! Конунга нужно предупредить о коварстве Сверра Тучегона, и чем скорее, тем лучше! Стражи дворца почтительно кивнули мне и расступились, открывая проход внутрь. Я вихрем взлетел по главной лестнице и нерешительно остановился у ворот тронного зала. До меня доносились тихие голоса – у конунга шел прием. Делегация? Совет ярлов? Неважно! Кто бы там ни был – пусть все знают! С лязгом ворота распахнулись, и я, сжимая в руках меч, вошел внутрь. Внутри все похолодело – рядом с тронном стоял дядя Сверр; конунг и верховный маг о чем-то мирно беседовали. Мать со скучающим видом слушала мужчин, а придворный музыкант брэнчал на лютне, тихо подпевая сам себе.

– Сын? – нерешительно Ингварр поднялся с трона и сделал несколько шагов мне навстречу. – Ты вернулся очень быстро... В чем дело? Что-то случилось?

– Случилось! – я указал острием меча на Сверра. – Прошу, отец, отойди от этого исчадия зла – он предал нас! Предал Стохетхейм! Да что там – само человечество!

– Что ты такое говоришь? – удивленно выдохнула мать.

Конунг подозрительно обернулся на брата:

– Кто предал? Сверр? Он же твой дядя и мой родной брат! Его совесть чиста, как алмаз!

– Успокойся, Верманд, – произнес верховный маг, – хоть ты и мой племянник, но пустых обвинений я не потерплю. Объяснись!

– Отец, все оказалось правдой. Все, о чем говорили невинные жители, которых мы губили; все те глупости, которые рассказывали деревенские старейшины. Ни я, ни дружинники не верили в них, потому что слова стариков звучали как детские страшилки. Но я убедился

во всем воочию. Бледные – не боги, отец, а злые демоны! Ни один бог никогда не потребует от людей того, что желают они.

– А, так вот, в чем дело, – Сверр угрожающе выпрямился, – ты узнал, какой приказ я передал с друидом, хотя дружина не должна вмешиваться в магические дела! И что же ты сделал?

– Пронзил сердце колдуна, – прорычал я.

Отец отпрянул, а бард оборвал мелодию. Сверр будто вырос в размерах – борода встопорщилась, пульты засияли, и под потолком собрались тучи.

– Знаешь ли ты, что натворил?! – вскричал дядя. – Ты посмел послушаться Бледных! Убил слугу самого Кархайма! Кем бы ты ни был – кара будет страшна!

– Кара? Отец, друид заразил ребенка смертельной болезнью, которая покрыла его тело язвами за мгновения. Ребенка! И он напал на меня, потому что я попытался помешать бесчинству! И все ради чего? Друид сказал перед смертью, что Бледные просто хотят видеть смерть мальчика и заполнить тело!

Мать посуровела и, топнув ногой, встала. Но, к моему удивлению, гневалась она не на дядю, а на меня.

– Ну и что? – спросил Сверр.

Я задохнулся от негодования:

– Как это – что? Мы – люди, а не крысы! Нельзя губить дитя только потому, что сумасшедшие демоны требуют его тело! Это просто безумие! Как только люди об этом узнают, храмы рухнут – никто не захочет терпеть таких богов! Что дальше? Мы станем приносить им в жертву целые села?

– Если потребуется – да! – процедил верховный маг.

– Сын, – сурово покачал головой Ингварр, – я держал тебя в стороне от колдовских дел, потому что знал, что тебе они придется не по нраву; но никогда мне и в голову не приходило, что ты можешь так опрометчиво поступить! Бледные нас создали, и мы у них за это в вечном долгу. Какой бы ужасной их просьба ни была, наша обязанность – ее исполнить! У космоса нет жалости. Раз им нужно тело мальчика – мы добудем его!

– Что... Отец... – я онемел от ужаса.

– Кара Бледных не различает отцов и сынов.

Нет. Или Сверр уже околдовал конунга, или, что еще хуже – отец обо всем знал. Знал и молчал, соглашался и направлял дружины сокрушать тех, кто не хотел отдавать родных на заклятие. Стало быть, если бы боги попросили, то и меня заразили бы страшным недугом, только чтобы посмотреть, как я корчусь в муках, а душа покидает тело. Вера конунга слепа; даже если Бледные действительно создали нас, то сейчас их поглотило безумие. А это значит, что мы должны дать им бой, а не кормить кровью детей!

В зал ворвались мои дружинники – видимо, скакали за мной по пятам, загоняя коней. Минутой спустя вбежала Кэри – огненные волосы растрепались, щеки рдели румянцем, а в глазах горел страх. Увидев меня с мечом в руке, она вскрикнула и прижала ладони к губам.

– Это не боги, а чудовища из кошмаров! Разве ты не видишь, отец?! Мы должны положить конец их власти! И раз для тебя жизни невинных ничего не значит, – я угрюмо посмотрел на Сверра, – то защищайся!

Я прыгнул вперед, а в черных тучах под потолком сверкнули молнии. Но мне не суждено было поразить Сверра – с Бардом столкнулся длинный меч отца. Ингварр смотрел мне прямо в глаза – и я не видел во взгляде ничего, кроме гнева.

– Ты подвел меня и наших богов, – прошипел отец, – а их воля священна! Священнее семейных уз! Мы должны исполнять приказы Бледных. Ты послушался их, убил колдуна – и я накажу тебя за это! У меня нет больше сына!

Отец ударил мечом; я парировал и отскочил назад. Сверр ухмыльнулся и спрятал ладони в рукавах мантии:

– Мне жаль.

– Я не хочу драться с тобой! – крикнул я отцу, но тот остался глух к моим словам; конунг снова пошел в атаку.

Мы скрестили мечи. Я отражал удар за ударом, а Ингварр все усиливал натиск, с каждым взмахом стараясь чуть ли не разрубить меня пополам. Собственного сына! Что ж, раз так... Я поднырнул под очередной выпад и, совсем как в детстве, ударил отца плечом в грудь. Стальной наплечник усилил удар в разы – у конунга перехватило дыхание, и он отступил назад на несколько шагов. Отбив в сторону его меч, я прижал острие Барда к горлу отца. На секунду все замерли.

– Проиграл, – тихо прошептал я.

Отец лишь тяжело дышал, со страхом глядя на блестящее лезвие. Я медленно убрал меч. Конунг нахмурился и открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Сверр в тот же миг крикнул:

– Давай!

Александр Стальной Кулак спустил тетиву, и стрела вонзилась мне в плечо. Зарывав от боли, я обернулся и бросился к дружиннику. С невероятной скоростью Александр схватил вторую стрелу и, почти не целясь, пустил ее прямо мне в грудь. Я остановился; изо рта потекла кровь. Зрение туманилось, а силуэт дружинника двоился. Конунг не сдвинулся с места, опустив глаза в пол. Мать села на свой маленький трон, не сказав и слова. Еще одна стрела и пронзительный крик Кэри – я не почувствовал боли, только сильный удар. Тьма заполонила собой весь мир вокруг, и я рухнул на пол, истекая кровью. Ко мне кто-то подошел, стуча тяжелыми сапогами – наверное, Александр. Откуда-то издалека прилетел голос Сверра:

– Дело сделано?

– Кара настигла неверного. Он на последнем издыхании.

– Что скажешь, брат?

Конунг вздохнул.

– Отнесите его тело в лес и бросьте там. За ночь и костей не найдут. Завтра же объявите всем, что мой сын, Верманд Суровый, погиб в бою как истинный сын конунга.

Глава четвертая

Личный дневник Расула Аль-Сахи, начальника испытательного центра компании «Доступная Вселенная», запись №15:

«Опытные образцы проекта „Эколог“ ведут себя с существенным отклонением от теоретических прогнозов. Прививание растениям человеческих генов и пересадка некоторых органов с последующей искусственной связью дали неожиданные результаты – скорее всего, сказался недостаток накопленных человечеством знаний о внутренней жизни мира растений. Полученные особи отказываются сотрудничать, не идут на контакт, порой ведут себя чрезмерно агрессивно. Язык людей понимают, но категорически против разговора на нем. Изначально предполагалось, что гибриды помогут нам с пониманием лесных биотопов и их проблем, окажут поддержку в принятии ключевых направлений экологической деятельности. Пока что прогноз неутешительный – возможно, они станут сговорчивее, если поселить их в реальную среду с нужным типом растительности, а не подпитывать в теплицах. Высадили практически всю популяцию на полигон „Бальдр“, продолжаем наблюдение силами местного населения».

Тьма. Всепоглощающая, заполняющая собой все пространство. Воплощенное зло и, одновременно с этим, спокойствие и безмятежность. Я все еще мыслил, все еще цеплялся за жизнь – значит, мой путь на Бальдре не завершен. Но я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой – просто не чувствовал их, не видел; я пытался кричать, звать на помощь, но тщетно – ни звука не раздавалось во тьме. Что это – Кархайм, а меня отправили в черное ничто за послушание? Или я стою на пороге царства мертвых, Хель? Постепенно в голову прокрадывались воспоминания – я сражался и пал, пронзенный стрелами бывшего соратника. Как его зовут? Не могу вспомнить...

Я попробовал оглядеться, и в шею заныло, хоть моего тела и не было видно. Нет, нет, умирать нельзя! Если я сейчас останусь здесь, во тьме, то она не выпустит меня больше никогда – нужно рассказать всем о предательстве! Великом предательстве... Но я не мог припомнить, кто нас предал. В памяти, наконец, всплыло слово – Бледные. Точно! Боги предали нас, превратив в рабов, заставляя своими повелениями творить ужасные вещи. Этот обман тянется сквозь года, а ведь я считал, что убить за послушание Бледным – великая честь и священный долг! Люди слепо верят колдунам, а конунг велит бросить тело собственного сына в лес, чтобы оставить на съедение зверям. Ни за что! Бальдр сбросит позорное ярмо! Если бы мне только...

Невероятным усилием воли я открыл глаза и тут же зашелся страшным кашлем. Во рту появился соленый металлический привкус – кровь. Перед глазами легла пелена, но вместо вездесущей темноты я увидел размытые цветные пятна – зеленые, голубые, белые... Постепенно, моргая изо всех сил, я различил угрюмые ели, нависшие надо мной, как палачи; сверху взирало синее небо с белыми рваными облаками. Лес – значит, приказ конунга исполнен. Словно пробуждаясь вместе со мной, в тело вонзился холод – меня бросили прямо в снежный сугроб. Не чувствую пальцев... Застонав от боли, повернул голову – из тела торчали обломки стрел, а кольчуга и рубаха под ней заляпаны кровью. Я попробовал приподняться и не смог – тело просто отказывалось повиноваться. Внезапно до моих ушей донесся низкий рык – припадая к снегу и жадно нюхая следы, шел тощий, голодный волк. Те, кто притащил меня в лес, давно ушли, зато мой запах манил лесного хищника все ближе. Я мог только беспомощно смотреть на него, не в силах двинуть пальцем – увидев меня, волк зарычал громче.

– Прочь... Пошел прочь... – через боль и муки я сдвинул правую руку, но оружия при мне, конечно же, не оказалось.

Глупо было надеяться, что я выживу в лесу. Судьба зачем-то позволила мне вырваться из плена тьмы – лучше бы там и оставался. Проснуться, выжить, только чтобы посмотреть в глаза верной смерти – слишком жестокая судьба для человека. Облизывая пересохшие губы и прерывисто дыша, я глядел на длинные клыки и нити липкой слюны, протянувшиеся между ними, как паутина. Снег скрипел под лапами зверя все громче. Вдруг он насторожился и наострил уши – кто-то идет! Я услышал легкие, почти невесомые шаги; взмах, свист рассекаемого воздуха – и в дерево рядом с волком вонзился метательный топорик. Ах! Только этого не хватало! Заскулив, зверь бросился наутек, а я, сплюнув густую кровь, опустил веки. На меня легла тень – ах, одетый в подобие меховой куртки, нагнулся надо мной, приносясь и разглядывая раны. От него шел стойкий запах жареного мяса, хвои и кошачьей шерсти. Я вновь открыл глаза – ах сжимал в руке короткий нож, но, казалось, что-то остановило его от последнего удара; он смотрел скорее с любопытством, потирая подбородок.

– Хахун.

Залепетав на своем языке, житель леса коснулся обломка стрелы в плече, и я застонал.

– Это... Это есть... – ах попытался выговорить человеческие слова. – Это есть стрела от человек. Человеческий стрела.

Я не смог ответить.

– Человек бить человек, – пробормотал ах и выпрямился.

Не в силах больше терпеть боли, я закатил глаза и снова погрузился во тьму, утопая в ней, как в холодном непроглядном море. Не знаю, сколько времени мне пришлось провести в забвении, но во тьме возникло новое ощущение – тепло. Я очнулся от того, что все тело ломило, а в нос ударял мощный запах сосновых иголок.

– Пей.

Постепенно глаза сфокусировались, и я понял, что лежу на грубой кровати, укрытый длинным теплым одеялом с разноцветным орнаментом. Видимо, меня притащили в какое-то жилище – вокруг стояли стены из кожи, а дым от очага уходил вверх, в дыру в потолке. Седой ах с морщинистым лицом протягивал мне глиняную чашечку с каким-то мутным пойлом, от которого поднимался пар. Увидев перед собой лицо с раскосыми глазами, я попытался приподняться на локте, но не сумел; отбиваясь ногами, отполз в самый край жилища, схватив первую попавшуюся под руку палку.

– Не приближайся, – прохрипел я.

Ах посуровел:

– Пей! Никто твоей смерти не желает. Кроме тебе подобных.

Кровь кипела в венах, когда передо мной проносились лица убитых ахлами соратников. Ненависть заполнила душу, но через пелену злобы донеслись слова старика:

– В тебя стреляли люди. Значит, человек хороший. Пей, у тебя много тяжелых ран.

Я не поверил ушам – ах пытается меня вылечить? Зачем? Казалось, что от тьмы уже не очнуться, и я отправлюсь в Хель, когда тот лесной охотник перережет мне глотку ножом... Но вместо этого он приволок меня сюда. С какой целью?

– Что это? – закашлявшись, спросил я.

– Отвар хвои. Пей и спи, – ах поставил чашку передо мной и ушел к очагу, выставив ладони к огню.

Я нерешительно понюхал питье – от терпкого запаха сводило скулы. Что, если меня хотят отравить? Нет, тогда бы не стали ради этого тащить через лес. Вдохнув, я одним мощным глотком осушил чашку и поморщился было, но оказалось, что отвар не так уж и плох. Я осторожно огляделся – жилище представляло собой высокий конус; на каркас из обструганных палок крепились шкуры лесных оленей, размалеванные рисунками. В центре, обложенный почернев-

шими камнями, полыхал жаркий огонь, прогоняя зимнюю стужу, которая старалась пролезть внутрь. Варевое альва согрело внутренности, и мне даже стало жарко, а веки начали слипаться, будто я не спал добрых три дня. Стрел в теле не оказалось – вместо этого меня украшали грубые повязки. Порванная кольчуга пропала, как и испачканная кровью рубашка. Старый альв еще раз обернулся на меня, сверкнув глазами, и принялся вылизывать руки. Закутавшись в одеяло, я уснул, предоставив судьбе решать, что со мной станет.

На ближайшие дни моим единственным облегчением и развлечением стал сон. Я просыпался, ел все, что старый альв оставлял мне на глиняной тарелке, и засыпал снова. Меня мучили кошмары – Сверр, отец, мать и друид с татуировкой змеи преследовали меня в длинных коридорах, заваленных магическими пультами, а сверху, сорвав потолок, смотрели загадочные Бледные, желая увидеть, как я погибну в руках предателей. Медленно, очень медленно раны затягивались – я чудом остался в живых, и теперь, с помощью прошлых заклятых врагов, выздоравливал, постепенно приходя в себя. Изредка лесной народ появлялся в жилище старика, но на меня смотрели или с любопытством, или без всякого выражения, и никогда не заговаривали. На своем языке они обсуждали что-то со старым альвом, а он отвечал, рассыпая на расшитом маленьком коврике костяные амулеты. Насколько я смог понять, меня приютил местный шаман – по всему дому, который назывался «типи», он каждый день развешивал обереги, а стены покрывали странные узоры и примитивные изображения животных и каких-то причудливых созданий, напоминавших помесь человека и дерева. Я вспомнил слово, которое слышал от отца – осинники.

Через две недели я сумел встать, тяжело опираясь на шамана. Грудь и плечо невероятно саднили, едва не сводя меня с ума, но альв приготовил какую-то мазь, которая прогоняла боль и успокаивала нервы. Спустя месяц я уже мог ходить самостоятельно и все больше времени проводил, сидя у костра. Сильнее всего меня удивляло, что альв приютил человека. Он кормил меня, поил и лечил, но никогда ничего не объяснял и не отвечал на вопросы. Только кивал или пожимал плечами, уходя от разговора.

– Ешь. Ты еще очень слаб, – говорил старик, предлагая мне кусок вареной оленины.

Моя ненависть к лесным жителям сменилась недоумением. Никто из них не желал мне зла, а гости шамана иногда даже стали приветственно кивать. Они указывали старику на меня пальцем и говорили «охитэка». Однажды вечером, осторожно трогая заживающие раны, я спросил у него:

– Что значит охитэка?

Шаман бросил в очаг пригоршню каких-то сухих трав, и к потолку взвился пурпурный туман.

– Это значит «храбрый», – ответил старик.

Я даже и не надеялся получить ответа.

– Почему они так зовут меня?

– Потому что вы, люди, нечасто выступаете против демонов, которым поклоняетесь. Если кто-то из вашего рода не желает исполнять приказы черных духов ночи – то он охитэка. Он хороший.

– Ты поэтому решил меня выходить? И тот альв, которого я видел в лесу... Поэтому меня не убил?

– Именно. В тебе торчали человеческие стрелы, потому Адэхи и принес тебя в деревню. А одна наша охотница, Кэлиска, нашептала мне, что слышала в лесу разговоры людей в тот же день. Они говорили о человеке, убившем колдуна и отказавшемся почитать Бледных. Речные камешки и кости сказали мне, что это ты. Верно?

– Верно, – ответил я.

Шаман помолчал, а потом бросил на богато расшитый коврик разноцветные стеклышки. Поводил в них пальцем и, наконец, посмотрел мне в лицо:

– Кто стрелял в тебя?

– Мой дружинник. То есть, воин, которым я командовал.

– Ваше племя – предательское. Я не удивлен. Но тики-тасы говорят, что в тебе скрыта иная печаль.

Я склонил голову и глубоко вздохнул, а глаза наполнились слезами.

– Отец не стал слушать и мне пришлось сразиться с ним. Он предпочел умиловить богов, вместо того, чтобы пощадить невинных людей.

Шаман покачал головой и швырнул в очаг новую охапку трав. На сей раз жилище озарило синее сияние. Только сейчас я обратил внимание на то, что тело старика покрывают татуировки. Альв носил только кожаные штаны и подбитые мехом мокасины, а на жилистом теле красовались какие-то строки изречений, записанные на неизвестном мне языке. Глаза отливали малахитом, а седые пряди длинных волос доходили шаману до груди. Он накинул плед и вздохнул:

– Спи. Зима заканчивается – с приходом тепла вернется и твое здоровье.

Спустя еще полтора месяца снег начал таять, ручейки побежали по лесным тропкам, а два ласковых солнца согрели молодые зеленые стебельки первых цветков. Я, опираясь на палку, стоял у входа в шаманский типи, наблюдая за жизнью альвийского поселения в самой гуще леса. Это стало моим любимым развлечением, кроме, пожалуй, прогулок по лесу в сопровождении Чогэна – именно так звали старого альва. Деревня располагалась на небольшой опушке у бурного холодного ручья, спрятанная за могучими соснами и широкими елями. С каждым днем мы заходили все дальше, увлекаясь беседой – шаман рассказывал мне о своем народе, а я – о жизни Стохетхейма и его обитателей, о воинских традициях и культуре людей. Я понял альвов и перестал испытывать к ним ненависть – они нападали на людей в лесах, потому что знали, что дружины убивали невинных, а колдуны творили жуткие вещи. Жители отдаленных человеческих селений тайно торговали с альвами и иногда искали у них приюта и защиты от собственных хозяев. Так поступали и в Инностинге. Альв также рассказал мне о Спасителях Бальдра, про которых мне доводилось слышать и раньше; большую их часть составляли крестьяне и солдаты-дезертиры, которые вели почти что безнадежную войну со Стохетхеймом и Бледными.

Жители альвийской деревушки едва говорили по-человечески, и шаман поведал мне, что выучил язык у одного из торговцев, который раньше часто приходил к ним в стан. Альвы жили простой жизнью охотников и собирателей, преследуя оленей и кабанов меж деревьев. Женщины бились и охотились наравне с мужчинами; дети играли возле ручья, залиvisto смеясь и пуская в воздух странные штуки на веревках. Из листов грубой бумаги они складывали причудливые фигурки и заставляли их парить на ветру. Раскрашивали таких «воздушных змеев» все на свой лад – чей-то изображал птицу, иной был разукрашен в красный и скалился нарисованной пастью чудовища. Я любил сидеть у порога шаманского типи и наблюдать за плавным полетом бумажных чудищ, размышляя о судьбе отца, Кэри и о том, что же мне теперь делать. Остаться навсегда я не мог – хоть мне и пришлось по душе общество альвов. Как только здоровье окончательно вернется, нужно двигаться дальше. Только вот куда и зачем – это покрыто завесой тайны. Шаман загадочно молчал и порой лишь говорил, что меня ждут великие дела. По крайней мере, так сказали ему разноцветные стекла, тики-тасы.

Понемногу я стал понимать причудливое наречие альвов. Хотя, понимать – это слишком громко сказано; я выучил пару фраз и с десяток полезных слов, а разговоры лесных жителей приобрели немного больше смысла, чем раньше. Я, наконец, раздобыл некое подобие бритвы и, помешкав немного, сбрил усы и бороду начисто. Волосы обрезал так, чтоб они опускались на плечи. У альвов на лице волосы не росли от природы – Чогэн с искренним любопытством меня разглядывал. Он находил забавным, что нам приходится применять специальные инструменты, чтобы убрать растительность на лице. Разумеется, обычно воины Стохетхейма на бри-

лись вообще, но я не хотел больше иметь ничего общего ни с армией конунга, ни с теми, кто поклоняется Бледным. Когда весна стала подходить к концу, ручей согрелся достаточно, чтобы можно было мыться, не грея воду в горшке над очагом. Что я сразу и сделал с великим удовольствием. Чогэн пытался учить меня вылизываться, как кошка, но я не обладал той гибкостью тела, которой могли похвастать альвы. В один из прекрасных, теплых и наполненных спокойствием вечеров, шаман измельчал в ступе лекарственные травы, а я сидел рядом с ним, стараясь запоминать все, что делает старый альв.

– Это, – Чогэн показал мне серебристый листок, – мечелист. Мазь из него прекрасно заживляет раны. А если смешать сушеные листья драконьей погибели и толченые коренья комарника, то получится такая смесь, что вдохнешь – и сможешь не спать всю ночь. Будешь быстр, как лань!

Я кивнул.

– Ближится первый день лета. Праздник Цветения, – продолжал шаман. – Осинники, наконец, пробудятся ото сна и вернуться к нам. Цветение священно как для них, так и для нас – именно в этот день ты найдешь ответы на все свои вопросы.

– Как? – я насторожился. – Что мне нужно будет сделать?

– Тебе – ничего. Я приготовлю отвар провидцев и увижу все в твоих глазах. Я не просто так приютил тебя и выходил. Ты здоров, бодр, полон сил – в тебе есть запал! Ты – не простой человек; ни одному альву не под силу то, что суждено тебе. Но все альвы этого хотят.

– Что же это?

– Свобода, – шаман добавил к смеси побег какого-то кустарника, – ваши боги, Бледные, прокляли Бальдр, заполонили его скверной. Их нужно остановить, отвадить! Но куда нам одним тягаться с богами... Только все вместе мы можем завоевать собственную свободу. Спасителям Бальдра помогут осинники – и мы снова выйдем на тропу войны с людьми, если понадобится. Но тебе отведена особенная роль. Ты уже и сам готов, хоть и не знаешь пока этого.

– Я не выношу загадок, Чогэн. Что мне предстоит совершить? Клянусь, я сделаю все, чтобы Бледные забыли об этом месте!

– Терпение, охитэка. Терпение. Дождись Цветения – и все поймешь. А пока, раз твои руки окрепли, возьми за оружие – вспомни, каково это. Я попрошу охотницу Макои, она тебе поможет. Ей нет равных.

– Мне не нужна помощь, я прекрасно владею мечом...

– Меч у альвов не в почете. Можешь ли ты так кинуть топор, чтобы сбить с ветки осторожную белку? Бьюсь об заклад, ты и в дерево не попадешь! Послушай мудрого совета и отправляйся завтра к Макои. У тебя впереди много боев, Верманд. Как и у нас всех.

На следующее утро я отправился в один из отдаленных типи, у самого ручья – именно там проживала охотница. Альвы просыпались рано – спокойное журчание воды нарушал детский смех и песни женщин, которые готовили еду на кострах. Я втянул пряный запах жареной оленины – казалось, никаких хитростей в приготовлении еды у лесного народа не водилось, но она получалась такой вкусной, что повара конунга могли позавидовать. Откашлявшись, я подошел к входу в типи.

– Макои? Я могу войти?

Молчание. Я назвал охотницу по имени еще раз, но безрезультатно. Тогда я немного отодвинул полог и заглянул внутрь. Пусто – видимо, уже ушла в лес за добычей. Что ж, делать мне все равно нечего... Я сел на большой плоский камень у ручья и скрестил ноги. Пожалуй, никто из знакомых, друзей или врагов, меня бы сейчас и не узнал – одет как самый настоящий альв и, если б не светлая кожа и человеческие глаза, то вполне сошел бы за «своего». Мягкие штаны, украшенные тесьмой и альвийскими узорами, такие же мокасины и голый торс – погода стояла теплая и приятная. Я наблюдал за играющими и вылизывающимися детьми и думал о том, как ошибался всего несколько лет назад. Стохетхеймцы считают альвов дикарями и свирепыми

хищниками леса, и у меня не было никаких причин в этом сомневаться после рокового боя в лесу. Ненависть терзала мое сердце, заставляя бросить все и направить дружину в леса, чтобы искать встречи с лесными жителями и вырезать их всех до единого, в память об Олафе и боевых товарищах. Как верно научил меня Чогэн, ненависть – чувство от Бледных. Они нас создали подобно себе, вложив самые плохие из эмоций. Наш отряд был разбит за то, что пролил кровь невинных на радость темных человеческим богам – справедливость заставила альвов забрать кровавую плату, раз мы посмели идти через их леса.

– Зачем искать себе повелителей в темноте космоса, когда настоящие чудеса ходят среди нас? – спросил меня однажды шаман. – Посмотри на осинников – разве это не чудо природы? Вот, кого мы должны слушать – тех, кто ближе всех к планете.

Я был безмерно благодарен Чогэну и остальным за спасение – если бы не Адэхи, то меня сожрал бы голодный волк. Если бы не дальновидность и мудрость шамана – то я погиб бы от ран и потери крови... Я уже начал забывать залы родного замка, свыкаясь с жизнью в лесу. Только по вечерам накатывала тоска, когда в воспоминаниях появлялись рыжие волосы Кэри. Где она сейчас? Что делает? Наверняка меня считают мертвым – тяжело в это не поверить, когда видишь, как в человека вонзаются стрелы, одна за другой. И она тоже верит, что меня больше нет в живых...

Я обязан альвам по гроб жизни – удивительно, как из заклятых врагов они смогли превратиться в верных друзей и спасителей. Чем здоровее я становился, тем чаще стал помогать лесному народу в повседневных делах – таскал воду, помогал чинить дома, разводил костры, а иногда даже готовил пищу. Альвы посмеивались, пробуя мои «блюда», но с благодарностью ели, даже если я сам считал их невкусными. У шамана мне удалось обучиться искусству травника, и порой я сам собирал все необходимые ингредиенты для мазей, порошков и настоек, помогая Чогэну лечить больных. Мои мускулы окрепли и вновь обрели прежние формы. В теле стала ощущаться необыкновенная легкость, и я частенько выходил в леса только для того, чтобы пробежаться. Куда быстрее, чем раньше, как настоящий стремительный зверь, я несся вперед, легко уклоняясь от ветвей и прыгая через поваленные древесные стволы. Но все тяжелее на плечи ложился груз судьбы – предательство не может остаться без ответа, а меня предали собственный отец, мать, народ... Все. Нужно найти Спасителей Бальдра и предложить им свой меч – все ради того, чтобы сбросить с планеты оковы Бледных! Хуже всего, что люди Стохетхейма добровольно надевают на себя эти кандалы и пытаются заковать в них всех вокруг.

– Вы и других людей так любезно принимаете? – этого вопроса не избежать, и задал я его Чогэну еще в начале весны.

– Нет, – покачал старик головой, – ты первый. В нашем селении еще не жил так долго никто из вашего рода. Я убедил остальных, что именно тебе суждено надломить власть Бледных на планете. Они видят в тебе надежду. Некоторые не верят, но не стали противиться. Мне было видение – Оракул в осколках, а над ним не альв, но человек. С оружием в руках и в священных татуировках лесов.

– Откуда вам известно про Бледных? Вы ведь им не поклоняетесь.

– Как и вы, мы созданы их руками. У нас из поколения в поколение передаются сказания о том, как Бледные, желая превзойти природу, превратили священных кошек в нас – подобие людей. Они желали, чтобы мы стали их рабами, но наш путь не таков; поэтому здесь, на Бальдре, мы стережем природу от всяческих посягательств. Нас много, поселений и племен по всем лесам планеты не счесть – и во время Цветения благословенные осинники дают нам возможность общаться друг с другом.

– Общаться на расстоянии? Как это?

– Дождись Цветения, охитэка.

Задумавшись и не замечая ничего вокруг, я утонул в мыслях, убаюканный журчанием воды. Наконец, меня окликнули. Я поднял глаза – Макои в облачении охотника стояла в трех шагах позади меня, попирая ногой поверженного оленя. Добытки племена вернулись, наполнив стан громкими возгласами и бряцаньем оружия. Мимо меня прошли двое, кивнув и приложив три пальца к левому плечу – жест приветствия. Я ответил им тем же и, захрустев затекшими суставами, поднялся с камня, обернувшись к Макои. Она не знала человеческого языка даже на уровне моего спасителя, Адэхи, поэтому изъяснялась на своем, подкрепляя все жестами. Мне трудно было ее понимать, но раз шаман сказал...

– Привет. Чогэн сказал. Я пришел, – сказал я на ломаном альвийском.

Девушка удивилась и зашла в типи. Спустя несколько минут появилась снова уже в повседневном облачении – длинной белой рубахе до колен. Судя по всему, она никак не могла взять в толк, зачем шаман прислал меня – помощь ей не требовалась, а убитого оленя она может отнести к центру деревни сама. В теплые месяцы альвы принимали пищу вместе – сидя в большом кругу камней посреди поляны. Я указал сначала на убитого оленя, а потом изобразил, будто метаю топор:

– Сражение. Учиться.

Взор альвийки прояснился и она кивнула головой, обнажив белоснежные клыки в улыбке. Внешность ее ничем не выделялась среди других женщин племена – светлые, почти белые волосы, водопадом опускающиеся до самых бедер; во время охоты или боя они убирались в тугий узел на затылке. На голове – расшитый обод, уши украшают большие серьги. Традиции обязывали женщин носить серьги больше, чем у мужчин. На ногах Макои – такие же мягкие мокасины, как и у меня. Ростом девушка была почти с меня – в большинстве своем альвы вообще выше обычного человека.

Легко взвалив оленью тушу на плечи, Макои пошла к остальным, жестами указав мне ждать ее здесь же. Она вернулась спустя всего несколько мгновений и вновь зашла в типи. Вышла, сжимая в руках маленький метательный топорик с двумя красными перьями у обуха; взяв меня за руку, направилась к кромке леса. Мы остановились шагах в десяти от ближайшей сосны – в широком стволе уже виднелось несколько зарубок. Судя по всему, здесь частенько практиковались в меткости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.